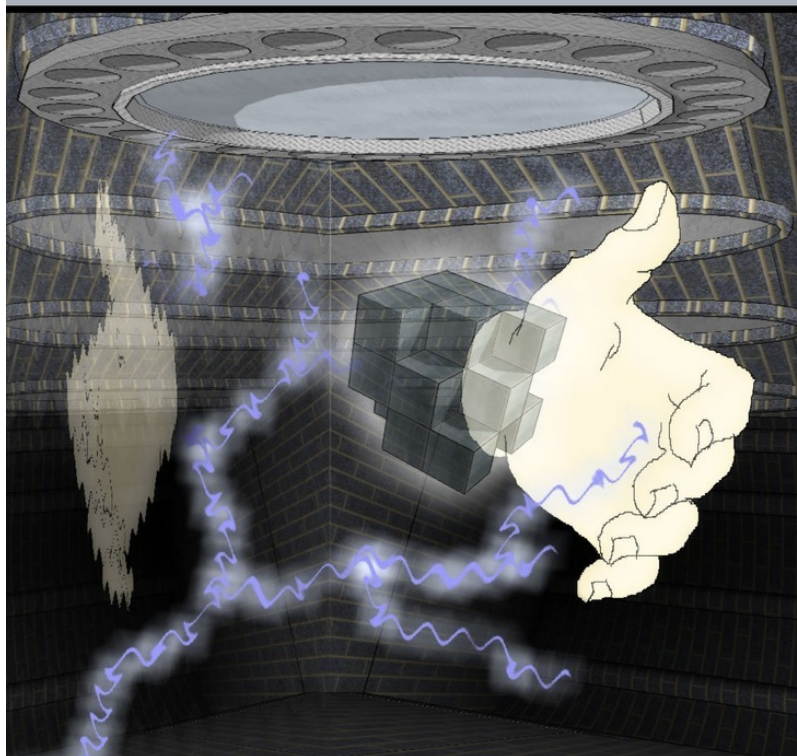

МАРИЯ ФОМАЛЬГАУТ

Волбешная нчоь

Мария Фомальгаут

Волбешная нчоть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33392269

ISBN 9785449082947

Аннотация

– А вот за этой тенью кто стоит? – Вон та тень. Видите, в углу? – Ага, вижу. А за той тенью в углу кто стоит? – Вот эта тень. – Которая? – Да вот эта же, в конце коридора. – У, огромная какая... А вот у нас директор в офисе, за ним какая тень стоит? – Да за ним много теней. Всех не перечислишь. – Ну, хотя бы первые две. – Вы бы лучше последние две попросили... – мне стало смешно, – ладно, смотрите. Первая вон та, возле вагона, а вторая в дальнем коридоре. – Это вон та? – Нет, нет... дальше...

Содержание

Без индекса	5
Пробуждение к концу света	20
Даже странно...	27
Ой, Ленусик...	42
От фонаря до фонаря	54
Тот, темный	66
Подъезд	87
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Волбешная нчoь

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2018

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-8294-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Без индекса

Мои грехи на сегодня
Не навел порядок в письмах
Загасил звезду
Напугал его (кого его? Не знаю)

Подробнее.

Корреспонденция третье тысячелетие лежит вся вверх дном, – по ящикам, по не ящикам, по хранилищам, по чистилищам. Не дай бог кто из высших чинов зайдет, все, – считайте, я уже здесь не работаю. А как их разберешь, эти письма, вы вообще видели, сколько их? Вот как отсюда, и до девятисотого измерения. Вам это ничего не говорит... мне тоже.

И каждый день новых писем накидают... Ясное дело, что-то и не доходит до адресата, вот, отдел целый писем, пишут Богу, сообщения шлют, молитвы, а куда мне все это отправлять прикажете? Может, кто адрес знает? У меня такого в адресной книге не значится...

Так что с письмами сам черт ногу сломит. Черту, кстати, писем тоже до черта и больше, этот душу продает, тот о помощи просит... куда отсылать, тоже не знаю.

Порядок навести...

Легко сказать.

Письма, они же на месте не стоят, они же живые, они же бегают, только их разложишь, вот уже, расползлись, разбежались, еще и подрались успели, ух, я вас...

Главное, другие же как-то с письмами управляют, вон, в сорок седьмом почтамте оператор хоп – хлыстом их огреет, все, присмирели, сами все по полочкам расселись. А я...

Да не о том речь.

Звезду загасил...

Не хотел, честное слово – не хотел, честное слово, левее взял, когда мимо звезды пролетал, да я там каждый день летаю, все уже знают, мимо лечу – левее беру, чтобы не задеть. Да какое там, ветер этот космический, спасу от него нет, только-только левее взял, он меня сразу р-раз, направо, и в звезду. Мне-то ничего, я и не через такое пролетал, а от звезды одно газовое облако осталось.

Ну, честно, не хотел...

Мой грех.

И этот...

Ну да, напугал я его.

Да даже не напугал, не знаю, как сказать... Я прямо боль его почувствовал, сильную боль, жгучую, он и меня этой болью ошпарил, крепко так...

Не хотел я ему делать больно.

Ну да, сказал резко так... А что делать... Достал он меня. И всех достал. Каждый квартал сюда ходит, как только сюда просачивается, не пойму, сюда и кто посильнее, просочиться не могут, а он... Я даже толком не могу понять, в скольких измерениях он живет. Мне кажется, что в двух, только двумерный он сюда не пробрался бы, а для четырехмерного простоват слишком.

Вспоминаю, как первый раз его увидел. Как сейчас вижу, как он заходит, странно так идет, толком не могу понять, как перемещается, и ко мне... Я тогда первый раз испугался даже, что это, откуда это, зачем это. Нет, предупреждали меня, конечно, что всякое тут попадается... но такое...

Вот идет он ко мне, а я соображаю, что делать, сразу его аннулировать или спросить на всякий случай – что вам угодно. Все-таки решил спросить, а то мало ли, в сорок третьем отделении ввалился кто-то в зал, черт пойми кто, оператор его уничтожил, оказалось – самого себя.

– Что вам... угодно?

Стоит. Перебирает свое тело то так, то эдак, первый раз вижу, чтобы тело так менялось.

– Так что вам... угодно?

– Скажите... мне сообщения... не приходили?

Ага, все-таки хорошо, что я его не аннулировал. Был бы скандалище...

– Адрес свой... назовите.

– Проксима.

– Это где?

Да, опростоволохился я тогда, надо же было оператору такое ляпнуть – это где...

– Созвездие Кентавра... знаете?

Тут уже мой черед пришел смущаться, а как не смущаться, как не знать...

– Адресат?

– Никоненко Сергей Викторович.

Имя я его не просто не запомнил – не понял. Сделал вид, что роюсь в письмах. На всякий случай спрашиваю (уже будь что будет)

– Откуда сообщение?

– Солнце.

– Нет такого в списке.

– Тогда Ра.

– Так бы и сказали... Со звезды Ра?

– Да не со звезды. Система Ра... третья планета.

– Красная?

– Да нет, красная планета, это четвертая... ну, значит, вторая, если красная у вас третьей значится...

Перебираю письма. Кропотливо, бережно, просматриваю слой за слоем.

– Нет.

Еще раз смотрю на самого себя – там, в воспоминани-

ях, как я перебираю письма, одно, два, миллион, как говорю – нет.

Он кланяется и уходит. Значит, все-таки я смотрю не на первый раз – на второй, в первый раз я бормотал что-то, я так и не понял – что.

– Вы понимаете, это очень важно... я оттуда указаний жду... как дальше работать...

Я отвечаю, как по писаному, как в протоколе велено:

– Прекрасно вас понимаю, очень вам сочувствую.

– Понимаете, мы этого всю свою историю ждали...

– Письма?

– Да нет... межзвездные перелеты... колонии на других планетах... вот только добрался, только лагерь разбил... и тут на тебе...

Я отвечаю – как велено:

– Очень понимаю, очень вам сочувствую, ничего сделать не могу.

А он не унимается... Нет, вру, это в третий раз он не унимался, а ведь он и в третий раз пришел, и снова про письма спрашивал. И делать мне больше нечего, письмо его искать, ловить, хоть бы сказал, как выглядит, какие крылышки, какие лапки, как летает письмо – ровненько или кривенько так, порх-пурх или пурх-порх...

– Понимаете, я на себя такую ответственность взять не могу... тут же межпланетные отношения, переговоры вести, я откуда знаю, что к чему... Вот так вот дров наломаю, потом

мне с Байконура прилетит...

– А вы не ломайте дров, – говорю.

– Да вот, чтобы не ломать, письмо нужно... директива...

Достал он меня...

И всех достал...

Я из-за него преступление совершил...

Ах да, кстати, мой грех на день: совершил преступление.
Из-за него.

То есть, я тогда еще не знал, Главное, искал ему письма добросовестно, просит же, как же не найти, а у меня на почте сам черт ногу сломит, тут волей-неволей в черта поверишь, на почте нашей... Когда он уже в десятый раз пришел, а с Бой Кун Нура этого ни привета, ни весточки, я уже запрос на главпочтамт послал. Знаю, что нельзя, что если туда запрос послал, считай, расписался в том, что сам ничего не знаешь, и не умеешь... А что делать, если так оно и есть...

Послал запрос, потом ночь не спал, думал все, прогонят, а куда им такой работник, который сам ничего не может...

А наутро ответ.

Вот чего угодно ждал – только не этого. Коротенько так – наша почта ихнее измерение не обслуживает, и вообще первый раз слышит, что такое бывает.

Смотрю на этот ответ через века, как сейчас вижу...

Так я ему и сказал, когда он опять пришел: так и так, не положено...

Кстати, вот и грех мой тогдашний: клиента обидел. Ну, не клиента, ну все равно. Когда вот так, в лоб сказал ему – а вы у нас не числитесь...

Я думал, он возражать станет, а он ничего, закивал, знаю, знаю... и давай ходить вокруг да около, все понимаю, конечно, а нельзя ли как-нибудь, ну, я не знаю, ну у нас-то своей почты нет, да как нам без почты, да как бы через вас...

Первый раз я такое видел – чтобы меня просили о том, что не положено. Да мало того, он и на следующий день пришел, и через день его нелегкая принесла. И опять свою песню поет, да можно ли как-нибудь через вас, да знаю, что не велено, да можно ли как-нибудь... И то пыль звездную мне принесет, то реактор с топливом, чтобы тепло было, то сеточку. Чтобы письма ловить...

Вот так я преступником стал...

Мой грех...

Ну, это давно было, это там, раньше, в книгу грехов записать надо, а сегодня у меня другой грех, когда я ему больно сделал...

Как он ко мне сегодня пришел, я его и огорошил...

Ах да, мой грех на сегодня, самовольная отлучка с работы более трех лет, посещение запретных парсеков... Что еще... много еще. Записывать надо. Некогда. Мне бы с этим грехом сейчас разобраться...

Да, отлучался, да, летал не в свои квадранты, а что мне было делать. Если письмо сбежало. Нет, бывает, они расползаются, разбегаются, живые же, что им еще делать... а тут не просто сбежало, решетку на окне перепилило, и порх, только его и видели...

Вот я за ним и гонялся, и сам не понял, как меня туда черт занес, в эти края... тут поневоле в черта верить начнешь, когда такие вещи творятся...

Там-то и увидел...

Видеть это, наверное, тоже нельзя было... а я видел... сам чуть там не сгорел, хотя гореть там уже нечему, выгорело все, что могло и что не могло. Так оно так выгорело, так умерло, что еще мертвое вокруг себя смерть сеет...

Да какая там черная дыра, черная дыра и рядом не летала... Такой дряни и сама черная дыра испугается. Я сам сдурю слишком близко подобрался, вот до сих пор эти бета-гамма с себя стряхиваю.

Что там... бывает такое... планета такм была, что ли, или черт пойми что, а потом бывает, астероид какой врежется, и планета на кусочки разлетится. Только тут на метеор не похоже, первый раз вижу, чтобы от метеора альфа-бета-гамма во все стороны...

Тут-то я письмо и сцапал, оно как это поджарище увидело, со страху попятилось, а я и подхватил. Кусается больно так, да мне не привыкать... в мешок засадил, и для верности – в ящик, один черт, мешок прогрызет...

Тут-то и догадался на координаты глянуть.

И увидел.

Чего не ожидал, того не ожидал.

Вот такой грех у меня был вчера, самовольная отлучка... и все такое. А сегодня другой грех был, когда этого огорошил... Только я, значит, письма успокоил, хлыстом им пригрозил, тут этого нелегкая несет... И ко мне...

– День добрый. Корреспонденции на мое имя не поступало?

Тут-то я ему и сказал...

– Ну, честное слово, не хотел... то есть как, не хотел, конечно, надо было подготовить как-то... Ну, не так, чтобы сразу в лоб... ну как-то я об этом не думал, мне бы с письмами разобраться, а тут...

Да, сказал. Да, вот так. В лоб...

– Нет вам корреспонденции. И не будет.

Он прямо побелел весь, я думал, умрет, видел я такое на мертвой звезде, монахи там живут, а как срок приходит, белеют и умирают.

– Как не будет?

– Так не будет... абонент выбыл.

– В-выбыл?

– Выбыл. Нет вашего Байконура, или чего там, и директив никаких не будет...

Все как есть рассказал, и про альфа, и про бета, и про гам-

ма, и про планету, которая была, и которой не стало, и про...

Вот так все и сказал. Я думал, он меня на месте прибьет, знаете же, за плохие вести кое-где и смертью карают, а он ничего... Ушел, белый-белый весь, только шерсть темная, и взгляд такой... ни у кого такого взгляда не видел... нет, вру, у одной вселенной видел... перед концом света...

Грехи на сегодня:

Как бы я этого не убил...

А то бывает...

Грехи на сегодня.

Заглядывал в чужую душу.

Знаю, что грех, что страшнее греха и быть не может, в душу чужую заглянуть, а куда денешься, я уже и ночами не сплю, думаю, как бы его не загубить... Этого... который хрен поймешь, в скольки измерениях живет, то ли в двух, то ли в четырех, и не так, и не так, ну не трехмерный же он в конце-то концов...

Да, я заглядывал в его душу... Бережно, осторожно, знаю же, в чужую душу не так заглянешь – еще сожжешь там что-нибудь, или аннулируешь, или... короче, бережно-бережно, а как с ним бережно, душа у него – потемки, черт пойми, что там вообще... Еле забрался к нему в сознание,

еще боялся, как бы там насовсем не остаться, а то бывает, превратишься потом в сон...

Только к нему в душу попроще оказалось заглянуть. Первый раз я такое видел – чтобы душу свою отдельно от тела держали, а он держит... где бы вы думали? Машина у него электронная, вот он в этой электронной машине душу свою держит.

А там все. Лица, лица, лица – вот как он, не то двумерные, не то четырех... Имена, события, даты... мое присутствие... Поставить оценку...

Потом тайные знаки непонятные...

Потом враги у него там, в машине... странные такие, ну эти-то видно, что двумерные, по машине, по экрану шастают... И он в них стреляет, и убивает их, а их чем дальше уровень, тем больше... Я уж хотел ему сказать, плюнь ты на них, они же тебе вроде как и не мешают, только силы тратишь... Спихватился, что сказал бы – себя бы выдал...

И статеечка в самом уголке души, то ли на почетном месте, то ли, наоборот, на проклятом, слова, слова, слова... Я мало что понял, я их слов не понимаю... но главное-то дошло...

...ответные массовые удары по территории Калифорнии...

...массовая эвакуация из районов...

...ожидаются дальнейшие атаки...

...смертность населения составляет...

Смотрел слова, ничего не понимал. Спрашивал у него:

– Так ты... знал?

А он не понимает, думает, во сне меня видит.

– Знал, – говорит.

Так я его и не понял... Да он, кажется, и сам себя не понял...

Грехи на сегодня:

Потерял письма из пятого тайничка

Потратил одну жизнь (не свою)

Чуть не убил клиента

Подробнее

Потерял письма... Да, потерял, что же делать, что тайничок без дна был, я откуда знал, что он без дна. У меня все тайнички с дном были, а что письма дно прогрызли, я разве видел... И – порх-порх-порх, пурх-пурх-пурх – только я их и видел, письма, они же электронные, они только что луч света не обгоняют...

И хочется сказать – найду, и черта с два я их найду, это по всем мирам летать придется, а почту кто охранять будет? То-то же...

Жизнь... Ну да, потратил... А как хотите, лечу сегодня

вечером домой, и на перекрестке звездных путей нате вам – жизнь лежит. Нет, бывает, конечно, нарочно бросают жизнь, если сильно плохая, вот так вот, собственную же жизнь искалечат – и бросят, авось, кто подберет. А тут другое, жизнь хорошая, добротная, светлая, видно, что уронил кто-то... Я подобрал, еще думал, объявление дать, может, кто спохватится, а не спохватится, так я себе возьму... а домой летел, меня в черный карлик затянуло, пришлось жизнь потратить...

Мой грех...

А этого чуть не убил... Ну а как вы хотите, довел он меня, да он кого хочешь доведет...

Этот... да, этот. Я на него смотрю, мне все больше кажется, что он в трех измерениях живет. Сам знаю, что так не бывает, что если измерения – то четное число, только как на него не смотрю, ни два, ни четыре, а что-то между.

Приперся. Да когда приперся, как раз когда почту привезли, писем, как звезд на небе, а они же дикие, письма-то, еще не знают, кто здесь хозяин, я их по ящикам, они разлетаются, я их в сортировочную, они обратно, только и успевай с хлыстом бегать... Где-то, говорят, вожак у них в стае должен быть, его поймашь, все успокоятся, да черт его пойми, где он, этот вожак...

Тут-то его нелегкая и принесла. Нет, не вожака, а этого... вламывается на почту, и ко мне – проверьте корреспонденцию.

Я уже про себя думаю, а не пошел ли ты куда подальше... да какое там... Проверь, говорит, и все. Ну я ему по-хорошему объяснить пытаюсь, так мол и так, мил человек, отправители твои давно уже выбыли, нечего им тут рассылать... А он опять за свое, проверь да проверь... И письма эти летают, бесплотными крыльями своими хлопают, уже и в окна-двери вылетают...

Ну да, тут я его чуть не аннулировал, как оборвалось во мне что-то... Уже и нуль выпустил, и на него нулем этим, чтобы на нуль помножить... Насилу опомнился, делать нечего, начал рыться в письмах, еще больше их запутал, рассыпал, они уже сами в себе запутались... Все, думаю, ты покойник, если сейчас ничего не найду, не знаю, что с тобой сделаю...

И вытаскиваю... да не вытаскиваю, письмо мне это само в крылья упало, вот оно, нате вам... Проксима, вторая планета, Никоненко Сергею Викторовичу. До востребования.

У меня так и оборвалось все внутри. Нет, всякое, конечно, на почте видел, но чтобы такое...

Нате, говорю, ваши директивы... исполняйте на здоровье.

А сам думаю, как такое может быть, ну не с ума же я сошел, был же я там, видел же, что абонент выбыл, да так выбыл, что круче уже и некуда, до сих пор от этих альфа-бета отмыться не могу.

Да, вот так и оборвалось все внутри, и письма дикие куда хотят разлетаются, тут-то они и дно у коробушки прогрыз-

ли, порх-порх-порх по космосу, и ловить надо, а я не ловлю, на этого смотрю, как он уходит, письмо свое тащит с указаниями, и адрес на письме, вот он, куда – Проксима, вторая планета, кому – Никоненко Сергею Викторовичу, откуда – Проксима, вторая планета, от кого – от Никоненко Сергея Викторовича...

Пробуждение к концу света

Я поднялся со дна океана.

Это было трудновато – подняться со дна, больно и тяжело давила толща воды, и та же вода не держала меня, тянула ко дну. Но все-таки я поднялся, – послушать, как волны бьются о мое тело, понежиться в свете луны, подышать воздухом, которого нет на дне.

Я лежал над водой, я видел небо – большое, высокое, такое не увидишь в океане. Щедрое солнце жарило мои бока, и полная луна озаряла мою голую спину, и ветер оведал меня. И вместе со мной, бок о бок, лежали собраты мои, и нежились в волнах, и щедрое солнце жарило их бока, и полная луна озаряла их голые спины.

Мы выплыли подремать в волнах и посмотреть сны.

Ни ветер, ни звезды не нарушали наших снов – первый раз сон мой был нарушен миллион лет спустя, когда на спину мою упало семечко. Малое семя какой-то травы, оно коснулось моей спины и затихло на ней, и я все ждал, когда семечко унесет ветер, но ветер его не трогал. И малое зерно пустило корни в спину мою, и пробилось ростком.

Шли годы. Шли века. Я нежился в волнах и видел сны – о себе, и о братьях моих, и о земле, на которой мы живем. И сквозь сон чувствовал я, как малый росток бросил в землю зерна, зерна пробились ростками, и скоро вся спина

моя была укрыта зелеными лесами. Леса росли, пробивались к солнцу, распускали в небо дивные свои цветы.

Шли годы. Шли века. Сквозь сон я чувствовал, как что-то снова тревожит мой покой, как какие-то рыбы выползли со дна океана на мою спину, и устраивались на берегах, неуклюже шевелили плавниками, ползали по траве, потом все быстрее, все увереннее шли в леса. Я видел их сквозь сон, видел мелькающих в лесах зверей и птиц, удивительно красивых.

Мои братья даже завидовали мне, что у меня такой красивый лес, и такие красивые звери и птицы.

Шли годы. Шли века. К тому времени мои братья стали досаждать мне, то и дело спрашивая, что мне снится. И я понемногу перебрался от собратьев своих на другую сторону планеты, переплыл океан, большой, как сон в глубокую ночь. На другой стороне земли оказалось на диво безмятежно и спокойно, и сон мой на века нарушал только шорох ветвей и трели птиц.

Шли годы. Шли века. хорошо помню, как в мой бок уткнулось что-то, похожее на половинку скорлупки, только сплетенное из тростника. Из половинки скорлупки вышли звери – на двух ногах, голые, не укрытые шкурами, и пошли по спине моей, и по хребту моему. Чем-то тревожили меня эти звери, я еще не понимал, чем.

Понял позже – когда густые мои леса огласились рокотом топоров, и треском костров, и чем дальше шли двуногие, тем

дальше отступали леса, пока их почти не осталось. Только теперь я начал понимать, как я привык к шороху зарослей и трелям птиц, как не хватает мне мягкой поступи зверя в густой чаще.

Шли годы. Шли века. Помню, как поначалу хотел убить их, незваных гостей, так жестоко нарушивших мой покой, мою безмятежность. Но чем дальше, тем больше привыкал я к ним, мне нравился терпкий дух их костров, и разноцветные перья, украшавшие их головы, и заунывные песни, в которых слышался шорох леса, гул водопада и отголоски вечности.

Шли годы. Шли века. У боков моих появились новые половинки скорлупок – очень большие и красивые, в них сидели двуногие звери, и увидели меня, и назвали меня по имени. Что-то подсказало мне, что звери пришли от моих собратьев – как и те, первые. Я посмотрел на них мельком – каких-то громких, суетливых, беспокойных – и снова погрузился в глубокий сон.

Как знать, может, этот сон станет для меня последним – слишком я устал за миллиарды лет метаться в огне и извиваться в волнах, слишком хотел покоя, может, этот сон станет для меня последним...

Шли годы. Шли века. Чем дальше, тем чаще тревожили звери мой сон. Они как будто выбирали время, когда я засыпал крепче всего, и грызли и царапали мое безмятежное тело, рвали его стальными когтями и зубами, как будто им нравилось делать мне больно. Я тысячи раз хотел сбросить их

со своей спины – и тысячи раз не сбрасывал, не мог, слишком долго спал, окаменел в своих сновидения, и собратья мои тоже окаменели.

Шли годы. Шли века. Двунogie звери говорили обо мне, говорили много. Однажды они признались мне в любви. Вонзили в спину мою шест с чем-то полотняным на конце, сказали, что все они меня любят, и что я лучше всех.

Но мне почему-то не становилось от этого радостнее.

Шли годы. Шли века. Чем дальше, тем больше говорили они мне о своей любви, своем обожании, они даже устраивали в мою честь пышные празднования, украшали меня цветами и лентами, пели про меня песни, и гордились мной. Мало-помалу им стало мало того, что они сами считают меня лучшим, они захотели, чтобы весь мир считал меня самым лучшим...

...я этого не хотел... и мне было все равно, кто из нас лучше, я или другие собратья мои...

Двунogie покидали меня – на восток и на запад, пересекали океаны, к тому времени они уже научились летать, и опускались на спины других моих братьев. Что-то там происходило между ними, я не знал, они возвращались израненные, искалеченные, привозили с собой какие-то сокровища чужих земель, говорили, как любят меня.

И когда одни поднялись на других, и каждый говорил, что я принадлежу ему, и каждый говорил, что это он достоин

жить на моей спине, и никто больше – я проснулся.

Очнулся от многовекового сна – как мало-помалу просыпались мы все. Потянулся, расправляя суставы, расправляя пласты материи.

И начал медленно скользить под воду, в стихию мою.

А под водой хорошо... Здесь, над кромкой воды хорошо только спать, дремать века и века, набираться сил, видеть чудные сны про чудных созданий, которые живут на моей спине. А жить – жить надо там, в глубинах океана.

Я скользил в глубину – сначала медленно, потом все быстрее по мере того, как проходил мой многовековой сон. Что-то происходило там, они копошились на мне, метались туда-сюда, я все ждал, кто победит в затянувшейся войне – никто не побеждал, вот ведь, оказывается, как быстро забывают они о своих войнах...

Я скользнул в океан. Что-то мелькало в воде, что-то опускалось на дно, какие-то руины, обломки, что-то такое красивое из моего сна, что построили они на мне. Все было точно такое же, как виделось мне – изящные храмы, строгие высотки, каменные изваяния. Мелькали существа, какие-то хитроумные машинки хитроумных существ, мелькали обрывки бумаг, я понимал их, хотя никогда не знал их языка...

АМЕРИКАНСКИЙ КОНТИНЕНТ УХОДИТ НА ДНО

АМЕРИКА ПОВТОРЯЕТ СУДЬБУ АТЛАНТИДЫ...

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ ПРИНОСИТ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ...

ПЕРЕГОВОРЫ О РАССЕЛЕНИИ БЕЖЕНЦЕВ...

А потом я опустился на дно, заскользил в толще океана – живой, свободный...

Мало-помалу просыпались другие. Мы достаточно качались на волнах и видели сны, мы достаточно пребывали в небытие, наконец-то мы вспомнили, кто мы, что мы, откуда мы – большие хозяева маленькой планеты, которую кто-то подарил нам для жизни.

Кто-то прижался ко мне боком, кажется, континент, с которым я был связан тонкой перетяжкой – века и века. Тут же об меня потерялся еще один континент, большой и жаркий, нагретый солнцем... Мы толкали друг друга, перекликивались гулками голосами,

– Ну как ты там, проснулся,

– А ты,

– Как я давно тебя не видел,

– Я и забыл, как ты выглядишь... а я уже и забыл, как ты выглядишь...

– А я уже и забыл, как это, плавать по дну...

И мы опустились в глубину – настоящие хозяева мира, сбивая хвостами остатки чего-то мелкого, незначительного, что укрывалось на наших спинах. Так уже было не раз и не два, так было теперь...

И я поплыл за своим сателлитом, сбивая хвостом что-то стальное, плывущее по волнам...

– Не трожь, – сказал мой сателлит.

– Что?

– Не трожь... они укрылись там...

– Тебе что до них?

– Да ничего... Знаешь, так всегда было... когда мы просыпались... они укрывались... плавали по волнам... Знаешь, как будто ждут, когда мы снова уснем.

– Вот как?

– Ну... Это еще называется ков... ковчар...

Я не понял его, он, кажется, и сам себя не понимал. Я хотел прибить ковчар хвостом, почему-то передумал. И увидел, как стальной корабль качнулся на волне, и оттуда вышел человек, и выпустил в небо белого голубя.

Даже странно...

Даже странно. Только что готовы были убить друг друга – испепелить, уничтожить – уже сидим, тихо, мирно, жуем что-то, припасенное на ужин, каждый – свое, пьем воду, вот на чем сошлись – оба не можем жить без воды.

Хорошо хоть воды предостаточно – не придется убивать друг друга за последний глоток.

Сидим – наедине с пустыней, со звездами, сложенными в непривычные узоры. Шевелится сонная пустыня, укладывается на ночлег, зализывает раны, наколотые хитромудрыми что-то-там-добывающими установками.

Даже странно.

А что в этом мире вообще не странно.

Смотрим друг на друга – не слишком холодно, не слишком пристально, как раз так, чтобы не обидеть.

Показываю на чашу в руке.

– Вода. Во-да.

Тычет в чашу, называет как-то по своему. Спыхватываюсь...

– Нет... это чаша. Ча-ша...

Неуклюже повторяет за мной. Называет по-своему – неловко, смешно, что за язык у них...

Что вообще за тварь, сотворит же такое вселенная – будто посмеялась над нами над всеми. Нет, всякое, конечно, я ви-

дел, и разумный туман на мертвых болотах, и снежные души, и говорящую рыбу, которая горела в огне, но не сгорала... но такое... то и дело косо смотрю на него – да правда ли, да может ли такое быть...

А ведь чуть не убили друг друга...

Я умирал.

Умирал – когда падал на мертвую землю под мертвыми звездами. Еще пытался удержаться, еще хватался – за пустоту, еще переключал какие-то регистры и датчики, еще барахтался, чуть не захлебываясь собственной кровью. Чужая земля приняла меня – как принимала всех, холодно, равнодушно, дрогнула пустыня, разбежались прочь перепуганные песчинки.

Там-то я и увидел его.

Нет, сначала не его – сначала город на горизонте, вернее, то, что показалось мне городом, и даже не городом – злой насмешкой над городом, пародией, будто кто-то, никогда не видевший города, выстроил это...

Это... стальные башни, скелеты, остовы, снующие вверх-вниз... маленькие домики, – скользящие туда-сюда. Приземистые укрытия, оскаленные огнями...

Зачем я шел туда... не знаю, сработал какой-то вековой зов предков, что бы ни случилось, идти к жилью, к огню, к очагу – через дебри, через пустыни, через холод космоса...

Там-то я...

Нет, сначала он... он увидел меня первым, он, непонятный, чужой, жуткий...

Несколько минут мы смотрели друг на друга.

А потом случилось страшное – когда он отбросил часть себя. Ту часть, которая убивала издалека.

Не мое дело...

Сам знаю – не мое дело, нечего мне на это смотреть, а все-таки – смотрю. А что еще делать, на что еще смотреть, старый мой мир рассыпался в прах, не выдержал тяжести самого себя, новый мир еще не получился, рано ему еще быть, новому миру. Скитаюсь по галактикам, спотыкаюсь о звезды, ищу – может, сгодится что-нибудь для моего мира, какая-нибудь вселенская шестереночка, космический винтик...

Так что, что мне еще делать... смотреть... и видеть...

Смотрю – как он сидит перед электрической машиной, ритуал у него такой – сидеть перед электрической машиной, день-деньской, смотреть в сияющий экран, ласкать машину – тоненько, бережно, кончиками пальцев, и при этом вижу – не любит он ее, не любит... Будто сам не знает, зачем сидит, протирает усталые глаза, и снова ласкает кончиками пальцев – тч-тч-тч, шелк-шелк-шелк...

Встает. Уходит... Ну зачем ты встал, зачем ты ушел, зачем бросил свою машину – вот так, передо мной. Плохо ты знаешь народ аюми, нам только оставь что-нибудь, просочимся, проникнем – до последнего атома...

Приближаюсь.

Заглядываю.

Смотрю – еще не понимаю, еще только-только неумело складываю знаки в слова, в мысли, в... нет, не дано мне слышать языки, еще пращур бил по ауре – буквами, буквами, кричал, да проще жар солнца заморозить, чем тебя выучить...

Вздрагиваю.

Начинаю понимать – как-то неожиданно для самого себя...

Ласточка моя ненаглядная!

Веришь, нет, хоть сейчас бы все бросил, полетел бы к тебе, вот так, через миры, через звезды, да безо всяких кораблей, кто их выдумал, корабли эти, а так бы, замахал руками и полетел. Да какое там...

Начальник меня в три шкуры гнет... Черт, что написал... в три погибели гнет, три шкуры дерет, пока нормуль ему не сделаю, не отпустит.

Ничего, заживем... ты меня только дождись... дом куплю, как хотел, да что дом, я теперь себе виллу на лазурном берегу могу позволить. Чтобы дети наши там играли... я им каждому по яхте куплю...

Ты, главное, дождись, ты на других не смотри, оно понятно, другие-то вот они, руку протянула, и вот они все к тебе слетаются, а я далеко. А ты все-таки жди... какие-то полтора года в масштабах космоса – вообще, тьфу, и какие-то два световых года – тоже...

Твой Миталька.

Сокол ты мой ясный!

Хорош летать, все перья уже себе поистер, вернешься лысый. Что ты там не видел в своих звездах, каких еще гуманоидов не переловил... золотые горы мне обещаешь, реки, полные вина – не нужно мне ни хрена, мне ты нужен. Ты меня уже десять лет сказками кормишь, вернусь, вернусь, то есть, не ты меня, начальник тебя... пошли его куда подальше... Сам где-нибудь в Швейцарии прохлаждается, тебя на небо забросил... Плюнь ты на него, как на нечистую силу, и домой иди... А не то сама пойду вот так, за тобой, по звездам.

Твоя Шурочка

Вселенная вспыхивает ненавистью. Такой сильной, жгучей – даже не сразу понимаю, откуда, перебираю в уме всех врагов, начиная с первозданного хаоса. И смотрю – и не верю, что вот этот, непонятный, хрупкий, может источать столько злобы...

Не бойся, не бойся, я не обижу твои слова на экране, я не сделаю больно этим буквам. Нет, злится, прямо вижу, как шевелится в нем злоба, и хочет сказать мне что-то – и не может, боится обидеть меня.

Садится за электрическую машину.

Растекаюсь по полу – слезной лужей, он кладет на меня озябшие ноги, чтобы согреться...

Слышно, как в черном космосе вращаются галактики.

Молчим.

До этого – дней десять, не меньше – молчали порознь, теперь, наконец, молчим вместе. Я даже и не верил, что с этим – чужим, непонятым, далеким – можно молчать вместе.

Чувствую – он устал не меньше меня, выгребая из мертвой пустыни крупицы чего-то там, высасывая астероид – хитромудрыми своими приборами. Я тоже вымотался, собирал по пустыне ничейные мечты, чтобы укрепить свою волю, искал относившиеся сны, чтобы приладить их к своим крыльям, хотел еще поискать воспоминаний, подкормиться перед долгими скитаниями, но из воспоминаний тут только его память, какая-то уж сильно... непонятная.

– Давно здесь? – спрашиваю.

– Здесь-то? Да полгода.

– А до этого?

– Да... это черт пойми уже какой по счету астероид...

Тридцать лет туда-сюда мотаюсь. Задолбало уже...

– Почему не вернешься?

– Тебе какое дело?

Новый приступ ярости – какой-то странной, неуместной здесь.

– Она же ждет тебя... почему не вернешься?

– А не охренел, чужие письма читать?

Чувствую – сделал ему больно, нестерпимо больно. Вот и пойми его... как живой туман с синих земель, который чуть не так тронешь – и умирает...

– Прости.

– Прощаю.

Слышу, как в его голове бегают мысли, догоняют друг друга, хватаются за длинные хвосты.

Снова осторожно придвигаюсь к нему.

– А все-таки – почему не вернешься?

– Тебя не спросили.

– Шеф не пускает?

– Вот-вот... с-садюга.

– А сам в Швейцарии.

– Может, в Швейцарии, может, еще где.

– А плюнь на него, чтобы он исчез.

– Слушай, я на тебя сейчас плюну, чтобы ты исчез! Его не спросили... принес черт на мою голову... это вообще моя земля, тебе здесь какого надо?

Проваливаюсь в подпространства, тут же выхожу – в дальних комнатах, где электрическая машина. Что-то притягивает меня к ней – может, запрет, что нельзя смотреть, нельзя видеть... Плохо ты народ Аюми знаешь, нам только скажи – нельзя, и все, считай, мы это уже сделали...

Ласточка моя!

Мне без тебя плохо – смотрю на небо, ищу солнце, и верить не хочу, что вот эта крохотная блендочка на небе – это и есть солнце. А когда солнце заходит, ищу его на небе, не нахожу, чувствую себя так, будто у меня что-то отобрали.

Веришь, нет, бросил бы все, ушел бы к тебе – вот так, по пустоте, это если скорость моя шесть километров в час, а от меня до тебя сейчас – три световых года, это через сколько же встретимся, посчитай...

Поезжай в Париж, там сейчас шеф мой, убей его к чертям собачьим, а труп в Сену сбрось. :))))

Он меня уже достал... Честное слово, здесь уже забывать начинаю, что такое Земля, как выглядит солнце – не блендочка в небе, а настоящее, лицо твое забываю, ты мне что фотки-то новые не скидываешь, только этим и живу, что на них смотрю...

Твой Миталька

Гагарин ты мой разнесчастный!

Я поеду в Париж, и шефа твоего прибью, а потом доберусь до астероидов твоих, и тебя заодно туда же... в Сену. Хорош уже по звездам своим мотаться, все звезды не пересчитаешь, всех денег не заработаешь. И вообще, выбирай давай, ты на ком женишься, на мне, или на миллионах своих. А то смотри, вернешься, а я выйду замуж за какой-нибудь счет в банке...

согласны ли вы взять в мужья процент с прибыли, быть с ним и в стагнацию, и в кризис...

Твоя Пенелопа, окаянный ты мой Одиссей.

Я пересчитал письма – их оказалось восемьсот с лишним тысяч, похоже, переговаривались они каждый день, и не по разу. Какой-то странный ритуал – которого я не понимал, как и все остальные его ритуалы...

Тревога...

Еле успел – метнулся под столы, замер, затих, наполовину вывалился в соседнее измерение, чтобы уместиться. Он вошел – усталый, замотанный, устроился перед электрической машиной.

Странный...

Душа его там, а сам он здесь, и хочет воссоединиться с душой, с сердцем, со своим миром – и не хочет.

Как можно – одновременно хотеть и не хотеть...

А что в этом мире не странно...

– Вроде бы все... – он оборачивается, подмигивает мне, – ничего не забыл?

Не понимаю его. Не понимаю – как можно что-то забыть.

– А то я всегда так... сначала стартую, потом вспоминаю, там вышку не убрал, сям приборы из шахты не вытащил...

– Приборы.

– Что приборы?

– Приборы... в шахте... в восьмой.

– Черт, точно. Ну, ты голова... спасибо, родина тебя не забудет...

Жду его. Сам не знаю, зачем – жду. Смотрю, как он устраивается в своем стальном коконе, как кокон вспыхивает огнем.

– Мы тоже так раньше... с Шурочкой... куда-нибудь поедем, уж что-нибудь да и оставим... в гости пойдем, там телефоны оставим, на озеро куда поедем, или палатку оставим, или еще что... два раза сумочку ее в такси оставляли... как в анекдоте... выходит еврей из такси, черт, я забыл в такси кошелек... Эй, ты меня понимаешь?

– Понимаю, – говорю, хоть и ничего не понимаю. Он видит, что я не понимаю... только это уже и неважно...

– Черт... а что у нас приборы-то с ума сходят? Эт-то что... никогда так не было...

Молчу. Стальной кокон несется через миры, изрыгая пламя, этот, живой, вертит головой, сплевывает что-то – бурое вперемешку с красным...

– Слушай... ты мне корабль выровнять можешь, чтобы не дергался так?

– Попытаюсь...

– Да уж попробуйся, пожалуйста... а то я тут и загнусь...

Стальной кокон замирает. Он неуклюже выкарабкивается из стальной скорлупы, трясет головой. Будто хочет вытряхнуть самый мозг. Не идет – ползет по песку, прочь от раска-

ленного кокона, долго выверяет какие-то параметры, давление, процент кислорода, температуру, бережно-бережно отделяет шлем...

– О-ох, ч-чер-рт... с курса сбились к свиньям собачьим... Это мы где вообще?

Оглядывается. Еще не понимает, не верит...

– Так... ты, друг сердечный, подсуетился?

– Я для тебя... чтобы тебе хорошо было...

– Ага, мне от шефа теперь так хорошо будет, что лучше некуда... я у него сам в Сене буду плавать... он еще крокодилов туда напустит... Назад давай.

– Ты даже... не увидишься с ней?

– О-ох, идиотище... Ладно, что поделаешь... Ты где меня вышвырнул-то вообще, в чистом поле, давай, вези теперь... в город какой-нибудь... как на тебя забраться-то вообще... черт... ты как бесплотный какой-то... слушай, что-то от тебя щелочью пахнет... ты меня не сожжешь на хрен?

– Здесь?

Он даже не отвечает мне. И так понятно, что не здесь. Взрываю над городом, летим дальше – над руинами, над выжженной землей, над оплавленными стенами, над...

Стой, куда понесся-то, ты меня голодом уморить решил, или как? Цыц, тут не вздумай даже приземляться, там уж, где-нибудь... на травушке, на муравушке...

Как всегда – с трудом понимаю его, на всякий случай

опускаюсь на холмы – далеко за городом. Он спускается на землю, снимает с меня одеяло, пропитанное слизью. Вынимает из котомки нехитрую снедь.

Едим – каждый свое.

Вместе пьем воду.

На том и сошлись – что оба не можем без воды.

Он зачеркивает в своих буквах еще горсточку букв – П, А, Р, И, Ж, приговаривает что-то – вот тебе и Сена.

– Может, она в Лондоне? – спрашиваю я, очень гордый, что помню, есть такой город.

– Были уже в Лондоне, ничего там... камня на камне не осталось.

– Или в Нью-Йорке.

– Да нет... это если искать, то по маленьким городкам, от больших-то ничего не осталось... Да и маленькие все как вымерли...

– А... что случилось?

– И ты у меня спрашиваешь? Меня тридцать лет на Земле не было, у меня спрашиваешь. Логично...

– А мы найдем ее?

– Найдем... яс-ное дело... без нее отсюда не уйду... еще вместе проживем, сколько нам отмерено... а что, мне шестьдесят, скажи ведь, для человека не возраст? Ну скажи, не возраст же?

Не возраст, – говорю, хоть ничего не понимаю.

Первый раз слышу всплеск радости – от него. Я даже ис-

пугался, не думал, что он может... радоваться...

Едим – каждый свое.

Пьем воду.

Он вычеркивает в буквах еще что-то, намечает какие-то маршруты.

– Ну... давай еще Швейцарию ту же прочешем... хотя стой, замотал я тебя совсем... Ну хорош, гоняю тебя, сани не наши, хомут не свой, погоняй, не стой... устал?

– Не понимаю.

Вот молодец какой, не устает... мне бы так...

В тишине слышно, как звезды летят по своим трассам.

Он не спит. Даже странно – почему не спит, говорит же, что устает... нет, сидит перед электрической машиной, ласкает клавиши, играет с буквами... подхожу... Знаю – нельзя, так он сам виноват, чего ради сказал – нельзя, мне только скажи – нельзя, все, считай, я уже это сделал...

Вижу – как буквы выпрыгивают, ведомые его рукой...

Слышь, бродяга, хорош летать-то...

Я тут уже себе богатенького присмотрела, конкретный такой мужик, прочто на ногах стоит, звезды с неба не хватает.

– Т-тебе чего?

– Не понимаю. Ничего... не понимаю. Ты знал... что здесь ничего нет... ее нет... ты пишешь...

Вон пшел, ком-му сказал! – хватает электрическую маши-

ну, бьет меня, машина проходит – насквозь, вдребезги разбивается об стол. Уворачиваюсь от него, хватает меня, обжигается, больно, сильно...

Перебрасываю его – через миры, через галактики, туда, где взял... Голос пращура – откуда-то ниоткуда, из самого детства, я кому сказал, поиграл, на место положи... всякой вещи свое место...

Лечу – рассекаю облака тумана, огибаю звезды.

Старый мой мир рассыпался в прах, новый мой мир еще не появился. Но это не значило, что можно расслабиться – надо еще добраться до дальних миров, поискать мечты, из которых склею новый мир, пошарить по космосу, выискать энергию, и заковать время в материю, а я даже не решил, сколько будет измерений, совсем хорош, измерений-то у меня не хватает, вот третье и четвертое в котомке за крыльями, со вторым проблем не будет, вытяну из первого, а вот за первым и нулевым еще лететь до соседних галактик, да неизвестно, найду или нет.

Напоследок – на крутом вираже над черной дырой – смотрю на него, встреченного мной так ненадолго. Как он расхаживает по мертвой пустыне, – бессмысленно, бесцельно, как возвращается – в свой дом, жуткую пародию на дом, как снова берет к себе часть себя, которая убивает издалека.

Направляет на себя.

Даже отсюда вижу – и хочет и не хочет делать так...

Замираю – окруженный туманностями, просачиваюсь
в волны, бегущие через вселенную от электрической маши-
ны.

ПАРОЛЬ

КОД ДОСТУПА

Просачиваюсь – без паролей и кодов, какая-то электро-
магнитная дрянь пытается перехватить меня, уничтожить...
не на того напали...

ВОЙТИ В ЯНДЕКС ПОЧТУ...

СОЗДАТЬ СООБЩЕНИЕ...

Создаю – неумело, неловко, складываю – из непривычных
слов...

СООБЩЕНИЕ УСПЕШНО ОТПРАВЛЕНО...

Неужели не увидит...

Нет... видит, снова бросает часть себя, несущую смерть.
Прижимается к электрической машине, будто сливается
с ней, бьет по клавишам....

СООБЩЕНИЯ

НЕПРОЧИТАННЫЕ – 1

ОТВЕТИТЬ...

ОТПРАВИТЬ...

Новые всплески – тихой трепетной радости. Пью их, хватаю – издалека...

Ах да, совсем забыл, поставить подпись, как на сообще-
ниях...

Твоя Шурочка...

Ой, Ленусик...

– Ой, Ленусик, приветик, что не звонишь-то? Да что я, запарилась совсем, пока то, пока это... вчера? Да вчера на распродаже была, ты прикинь, совсем новая коллекция со скидкой идет, пятьдесят процентов... Ой, Ленусик, там такие блузочки есть, ты закачаешься... Там на белом фоне цветочки розовые, а в середине котеночек...

Ой, Ленусик, и говорить-то некогда, у меня там котлеты горят... Ты прикинь, позавчера сделала, ну как Катюсик сказала мне, лапок курьих купила на холодец, варить поставила... Кастрюлю открываю, они там такие шевелятся, чуть не вылазят оттуда... слушай, мне так страшно стало, я их все повыкидывала... Катюсик мне говорит, ты че, совсем уже, вкуснятина же... Да какая там вкуснятина, страшно же...

А то давай, Ленусик, на выходные подплывай... Ты же у меня и не была ни разу, как переехали? Тьфу на тебя, подруга, называется... Ага, это у него-то на даче и места бы тебе не хватило... ой, тут у него дача такая, закачаешься, ей-богу, я первый день сюда приехала, я заблудилась... комнаты, комнаты... страшно так...

Что? А, этот-то, благоверный-то мой... да ничего мужик... Нормальный... Ой, Ленусик, нормальные мужики сейчас тоже на дороге не валяются... Вот будешь принца своего ждать, вот ни с чем и останешься... тьфу-тьфу, дай тебе

бог всего...

Да говорю, нормальный... Да мы и не видимся почти, он мужик-то занятой. Он там не то в минобороны, не то в спецслужбах, не то хрен пойми где... У него телефон вообще не выключается, ты прикинь, в постели со мной лежит, своим названивает, говорит я вам, установку не трогать, мешала она вам, что ли?

Так что жизнь удалась... что? А, ну да, хожу с фингалом... Да сама хороша, на хрена я в его ноутбук полезла, будто своего нет... Ну я же специально себе купила, розовенький такой... с блесточками. Ну вот, я же его кофеем облила, ворона, в ремонте тык-мык, что-то там из Китая привезти надо, запчасти какие-то... Ну а скучно же, я уже и без Одноклассников и не могу... ну посидела маленько... он потом полдня орал, где файлы би-шесть, где... я откуда знаю, не трогала я у него файлы никакие...

..да что, Ленусик, какой развод, ты чего? Говорю тебе. Нормальные мужики на дороге не валяются... Он же потом на коленях прощения просил, бабок мне отстегнул, тебе и не снились... Я себе уже гарнитурчик прикупила в гостиную, ну ты же знаешь, у него дом такой огромный, и пустой совсем... и вот вчера, на распродаже...

А то айда вместе туда, сгоняем завтра? А? не можешь... А, ты же у нас работаешь, бедненькая... слушай, я уже и забыла, что люди на работу ходят... Ну давай в выходные... а то это... говорят, война будет...

Не слышала? Ну я тоже так, краем уха... Говорят, кретин какой-то в минобороны ракеты выпустил, две американские базы загубил... Ну, военные... да не говори, как таких вообще держат... Ну это как у нас в отделе Катюсик та же, дважды два сложить не может, только шефу глазки строит, умные люди ее работу делают...

Ну все, побежала я, муж приехал... Ой... это что, мне? Ой, Ленусик, ты сейчас упадешь, там такая машиночка... ну да, муж купил... красенькая такая... уж не знаю, какой марки... не разбираюсь я... Ой, все, побежала, Ленусик, ауньки, Лешик, бегу!

Ой, привет, Ленусик! Ты меня как нашла-то вообще? Слушай, я сколько раз тебе позвонить пыталась, а номер-то твой новый не знаю...

Да ничего устроилась... Слушай, Ленусик, я тебе все сказать хотела... я тут такой гарнитручик себе прикупила, ты увидишь, вообще закачаешься! А? нет, не тот, который в Парадизе брала, того уже нет, ну а что ты хочешь, когда дачу-то разбомбили, там вообще ничего не осталось! Ой, Ленусик, я только и успела, что ноутбук свой розовый забрать, и шкатулочку еще, ну там где украшения... Так ты прикинь, она же у меня на улице раскрылась, этот-то сапфир, который в Париже брали, раз, раз, и под крыльцо укатился... Слушай, я за ним, охрана не пускает, дом-то горит уже... Слушай, я так ревела... Этот тоже завелся, мой, всю дорогу кудахтал,

на хрена ты свой ноутбук притаранила, лучше бы мой взяла... А что его, таких, как у него, хоть пруд пруди, черный, классический, а я все магазины обшарила, пока свой розовенький выискала...

Ленусик, ты куда пропала-то? Давай, рассказывай, как устроилась, как что... Да я что? Помаленьку... Слушай, на днях себе такие шторочки прикупила, закачаешься... они синенькие такие, со звездочками, а звездочки в темноте светятся... классенько так...

Что? Шторочки-то зачем? Да знаешь... тоскливо как-то в бункере... ни окон, ни дверей, полна горница, блин, людей... Я себе хоть шторочки повесила, как бы иллюзия, что окно есть. Слушай, слушай, Ленусик, я тут слышала, штучки такие в продаже появились, как стекло, а за стеклом пейзажик там какой-нибудь, и подсветка... Слушай, так здорово... я в интернет-каталоге видела, там с Манхэттеном есть, с Альпами, с Лазурным берегом...

А? да ты чего, правда, что ли? Слушай, бегу, бегу, Ленусик, айда в выходные с тобой махнем на рынок, прикупим... Да что там страшно-то, чего бояться, у меня охраны как звезд на небе... И ты к нам подплывай, ни одна сволочь нас не тронет... Слушай, знала бы, что окошечки эти на рынке есть, давно бы прикупила... А то и к нам заходи, ты там на проходной скажи – к Кисуленьке, тебя и пустят. Слышишь? Только не к Олеся, а к Кисуленьке, что я Олеся, это любой дурак знает, а Кисуленька, это для внутреннего

круга...

Так что давай, подплывай... А то тут опять война какая-то намечается, задолбали уже войнами своими... вроде как бункеры наши обнаружили... кто? Да не знаю я, кто... враги... это ты у моего спроси, кто, он минобороны, не я...

Ой, Ленусик, ты, что ли? Слушай, не узнала, богатая будешь... Ты как устроилась, рассказывай, давай... а то сколько уже не виделась... Замуж не вышла? Что ж ты так еще никого себе не отхватила...

Да что я... скрипим помаленьку... чего не звонила? Да какое там звонила, я же на распродаже была... Да какая распродажа, ну это когда конец света был, с Земли-то улетали, мы рейс устроили... с девчонками... вертолет наняли, и давай, по городам, по столицам, по бутикам, что от них осталось, там такие шмотки обалденные в Париже, я офигела прямо... ну, и бесплатно все, кто там продавать что будет... Летчик все орал, туда не полечу, сюда не полечу, ну мы ему баблом быстренько рот заткнули...

Ленусик, ты в каком Ковчеге-то, не в десятом, нет? вот, блин, я-то думала, в одном Ковчеге живем, друг друга не видим. Ну на хрена ты в этот четвертый поперлась? Да что женщин бесплатно брали, мне бы звякнула, я бы подсуетилась...

А? как в десятый-то угодила? Да как, Ленусик, муж-то мой десятым Ковчегом управляет, не каким-то... нет, не за штурвалом сидит, он там комендант, или не знаю,

что... Кто? Да нет, не Лешик, Лешик все уже... Они же ночью на нас напали... Да откуда я знаю, кто, враги... Жуть такая, я просыпаюсь, ночь в Крыму, все в дыму, ох и визжала же я... Лешик в коридоре лежит, голова прострелена... слушай, кошмар такой... и тут этот появляется... слушай, такой лапочка, глаза у него такие... Да не знаю я, кто, командир какой-то ихний... А, вспомнила, полковник он... Джонатан Игл... Слушай, Джонатан, это от какого имени, Джек или Джон? Прикольный такой... Миль пардон, мадам, вилкам ту эмэрикэн йорми... и в Ковчег он меня пристроил... Слушай, жмот такой, ну ты прикинь, сто тыщ мне на неделю дает, и все... Я тут в магазине на борту такую сумочку себе присмотрела, под крокодила сделана, и по форме как крокодильчик такой... ну прикинь, пока туда, пока сюда по бутикам, денежки-то все, там буквально пяти штук не хватило... Я к Джонатану, он мне такой – хэй, бэби, онли ту мундэй... блин, пяти штук ему жалко было... Одно слово, мундэй... а пока этот мундэй, сумочку уже какая-то крыса себе купила, прикинь? Ох, глаза бы ей выцарапала...

Ну что, что, неделю потом с ним не разговаривала... он мне уже и так, и эдак, и кулончик мне с ангелочком купил, и цветами задаривал, и в киношку эту пять-дэ водил... Ну ясен пень, помирились, куда деваться-то... Он меня в рубку свою заташил, все эту звезду показывал, ну Альфу Центавра, к которой летим... Ну я что, делаю вид, что интересно, не обижать же мужика... чем бы дитя не тешилось, альфами

своими, бетами...

Ой, Ленусик, слышала ты, Земля-то сгорела? Ну, когда последняя война была, бункеры рвали... говорят, поэтому с Земли Ковчеги-то и улетели...

Ауньки? А, я тоже думаю, утка, да мало ли что там напишут... я вот тоже слышала по телику, на Тибете какая-то пирамида есть...

Ау? А, скину, скину фотки, скину... Со свадьбы с нашей, хоть на Джонатана посмотришь, красавчик такой, квартиру нашу... у нас тут десять комнат в самом начале Ковчега... Джонатан мне три выделил, так уже мало три, шмотки девать некуда... Там аппаратуры всякой до хренища было, так мешалась, вообще, я сколько мастерам говорила, снимите эту хрень на хрен... они такие – да как можно, техника безопасности, жизнеобеспечение корабля... Ничего, на стороне ребят наняла, они мне быстро все это лазером спилили, про жизнеобеспечение не заикнулись. Так что у меня тут теперь как во дворце, я тебе фотки скину...

Ой, Ленусик, ты, что ли? Ой, прости, не узнала, запарилась совсем... Да как, пока то, пока это... Ты куда пропала-то совсем, нет и нет... Что? Я пропала? Ой, брось, Ленусик, никуда я не пропадала, как была, так и есть... Что значит, где... ну, везде...

Слушай, Ленусик, я тут такие шторочки себе присмотрела, ты вообще упадешь, когда увидишь. Они знаешь, та-

кие, днем свет впитывают, а по ночам сами светятся... то есть, у них одна сторона светится, другая нет, какой хочешь, такой и вешаешь... Что? Где присмотрела? Да на рынке на местном, слушай, там столько штук всяких... Я там себе такие бусики прикольные еще прихватила, тоже в темноте светятся, только мне сказали, это не бусики, а какой-то там трансформатор пространства-времени, черт его пойми... Ну, не знаю... Мне, главное, красиво, и все. Ты же меня знаешь, Ленусик, я же штучку какую-нибудь прикуплю не потому, что понавороченная, а потому, что розовая...

Так что ты это, заходи, шторочки посмотришь, и еще я тут себе такой чайничек прикупила, ты увидишь, упадешь. Что? Куда заходить? А, не в Ковчег, не в Ковчег... Что? Да, было, было, сгорел Ковчег... Ну это когда еще было-то... Я уже и забыла... Да, в новостях передавали, слушай, кошмар такой, я там в кадр попала, а у меня волосы не покрашены, слушай, позорище такое... Так что, Ленусик, ты если меня по телику увидишь, не смотри...

Слушай, там еще на рынке... Что? А, да никто не спасся. Я спаслась. Слушай, Ленусик, честно, не знаю, как... Очнулась здесь уже, на пустоши... Да не знаю я, на какой пустоши... Слушай, Ленусик, ты же знаешь, я тупая, мне на тридцать три раза сказали, как планета эта называется, я не запомнила... Очнулась такая, башка раскалывается, как с похмелья, и эти надо мной... Ну кто эти... ну местные... страшные такие, как слизняки, по земле растекаются...

А? Да нет, ничего, не тронули... Я у них тут пещерку одну присмотрела, они же по норкам, по пещеркам живут, а эта вроде как пустая... Ой, я тут себе такие обои поклеила, ты упадешь... Они там со скидкой были, какая-то прошлогодняя коллекция... Ну это не обои у них, не знаю, что, я как обои поклеила.

А? да ня знаю я, кто они... Ой, Ленусик, мне-то что, я в такие подробности и не вдаюсь вовсе... Ты же меня знаешь... Я дома-то газеты не читала, а тут и подавно... Ну все, Ленусик, чмоки-чмоки, побежала я, запас кислорода кончается, пора обновлять, тут такая фигня с кислородом этим, я...

Ой, Ленусик, приветик, чего не звонишь-то? Ах да, я же дура дурная, номер-то тебе новый не сказала... Ну да, телефон у меня новый... Да нет, не в пещере, я давно уже из пещеры перекантовалась тут в пентхауз... Ну, по-нашему пентхауз, по-ихнему не знаю, как назвать...

Что? Да, Ленусик, не говори, высоко взлетела. Слушай, тут такой вид из окна, зашибись прямо... весь город виден... Ну, мегаполис ихний... ну, не знаю там, чей... этих... красиво так, как звездочка лучиками расходится, и по ночам огоньками горит...

Да нет, Ленусик, не купила... я тут к одному переехала... Он мне сам предложение сделал, прикинь? Как увидел у меня шторочки эти, тут и говорит, так что же вы тут делаете, если в таких вещах толк знаете, ваше место в храме... Вот

так прямо и сказал... вот слово в слово... и сюда меня перевез... Прикольный такой, слуг позвал до хранища, они мне вещи все перенесли... Прикинь, кувшин разбили, ну этот, который я из Турции привезла... Ну ничего, кувшин раскокали, тут же взамен какой-то новый принесли... Ленусик, ты упадешь, он форму свою меняет... захотела – чашка, захотела – ваза, захотела...

А? ну да, казнили их, которые кувшин раскокали. Да говорила я ему – не надо, не надо, ну ему уж виднее, со своим уставом в чужой монастырь не лезу... Кто? Да не знаю я, кто, шишка какая-то... Слушай, я в этих шишках никогда не понимала ничего... Слушай, ну я даже не знаю, чем первый муж занимался, вот спроси – чем, вот не знаю я... продавал что-то...

Ленусик, а ты на выходные приедешь? Тут здорово так, столько штук, ну ей-богу, живу как в магазине интерьерном... помнишь, на Арбатской такой был... Ну вот, картины всякие, занавесочки, финтифлюшечки, я уж их сама расставляю, как мне хочется... Они еще все с таким почтением на меня смотрят... Кто? Да эти, в храме... Говорят – мы бы так не осмелились... А мне что, я же жена этого... Ну, шишки этой...

Так что давай, подплывай... Что значит, не можешь? Ой, да без проблем, Ленусик, сделаем... Тут же этими штучками всеми можно пространством-временем управлять... уж не знаю, как... в прошлые выходные вообще он меня на ка-

кую-то планету возил... слушай, красотища такая, все песочек розовый, и жемчужины такие огромные лежат, я с собой взять хотела, я в руках не удержала, прикинь?

Ой, ну все, Ленусик, побежала я... этот меня зовет... Какую-то штуку свою найти не может... Блин, сто раз сказала, у окна поставила, нет, ищет... глухой, что ли... верно, ушей-то нет...

Приветик, Ленусик, ну что, за жемчужинами-то поедем, нет? А то мне одной скучно... Да нет, лучше не за жемчужинами, лучше знаешь, что... Тут в соседней галактики амулетки такие классные продают, ты упадешь, увидишь... вот туда давай махнем, а потом на распродажу... Там ткани сейчас со скидкой такой, зашибись... Да ты погоди, ты дослушай, что за ткани-то! слушай, они сами восстанавливаются, прикинь, не рвутся, ничего им не делается... Я, курица, на диван такую положила, сигаретой прожгла, думаю все, кранты, деньги выбросила... нет, гляди, затянулось все... само...

Так что давай. Ленусик, а то сто лет тебя не видела... Ты меня и не узнаешь, поди, я же жабры себе отпустила... давно уже... Давай, собирайся, в эту субботу надо слетать... А то потом война убдет, хрен опять куда выберешься...

Что? А, ну да, войну обещали... Ну этой, нашей империи, и соседней... межзвездной... Что? Да не знаю я, каких... Слушай, говорю тебе, газеты не читаю, по телеviso-

ру там хрен что поймешь... Короче, какой-то кретин доигрался с пространством-временем, две галактики на нуль помножил... Стер... уж не знаю как, там пространство свернул, или что... Нувот, они на нас бочку катят, дескать, мы виноваты... Ну и все, и началось... Тут пророки вообще говорят, что это последняя война будет, и конец света... Сейчас ищут, какая сволочь с пространством-временем доигралась... казнят, ясное дело, казнят...

Ну, давай, Ленусик, чмоки, побежала я... Я тут всех эти штучек сегодня накупила, ну для храма, теперь расставлять буду... Их там как-то по-особому расставляют, чтобы пространство-время не искорежить, ну я в этом ничего не понимаю, не верю я в это... Фигня какая-то, типа фэн-шуй... Я так, как мне хочется, лишь бы красиво...

От фонаря до фонаря

Кри-ик-крик, кри-ик-крик, кри-ик-крик...

Покачивается, едет куда-то, из ниоткуда в никуда маленькая повозка. Здесь все ездят на таких повозках, и Змум ездит, торопится за всеми, боится отстать...

– Не отстава-ай!

– Торопи-ись!

– Далеко до фонаря?

– Бли-изко-о!

Змум подгоняет повозку, повозка нехотя скрипит, покачивается по темноте – кри-ик-крик, кри-ик-крик... плохонькая у Змума повозка, да какая есть, другой-то никто не даст. Если кто из стариков умрет, так их повозка кому посильнее достанется, где Змуму с ними тягаться...

– Поторопи-ись!

– А ты что, Змум? К свету не торопишься?

– Да как не тороплюсь, а я что делаю?

Кри-ик-крик...

Кри-ик-крик...

И непонятно, по чему катится повозка – так и кажется, что ни по чему, по пустоте. Вот так, сама по себе, по черной пустоте, и в черной пустоте не видно других повозок, не видно лиц – только тусклое сияние света далеко впереди.

– Ты меня видишь?

– Нет! А ты меня?

– И я тебя не вижу...

– Не отставай!

Повозки катятся к свету – Змум уже знает, надо катиться к свету...

– Далеко еще?

– Да вот, рядышком...

– Да знаем мы это рядышком, кажется, близко, а потом катишь, катишь, а света все нету...

– Да вот он уже...

– У-ух, све-ет...

– Да вы бы хоть поздоровались с тем, кто свет дает!

– Здорово, парень...

– И вам того же...

– Хороший у тебя фонарь, крепко светит.

– Рад стараться. Да вы грейтесь, что как не у себя дома-то...

– Расступитесь, люди, что. Не знаете, что ли, как у света сесть, чтобы всем хватило...

– Классный у него фонарь, правда?

Змум поднимает усталые глаза:

– Правда.

Фонарь, костер, свет... называется по-разному, смысл один – сияющий круг, пятно света в темноте, свет этот сделал вон тот парень, сидит, щурится на сияние. Парню кланяются, парню приносят подарки, у кого что есть, кто хлебца,

кто мяса, кто-то и красивый плащ подарит... кто-то протягивает теплый полушубок, парень у огня только смеется в ответ, зачем ему полушубок, если есть огонь...

– Жарко от него, верно?

Змум понимает усталые глаза.

– Жарко.

– А ты чего... не радуешься даже.

– Что радоваться... завидую я ему...

– Кому?

– Да... парню этому.

– Который светит-то?

– Ну... Ты же видишь, как ему... ему и подарки, и почет, и про него только все говорят, на него и смотрят... Как на прошлой стоянке кто-то вообще додумался мужику этому, у которого свет, в ладоши хлопать! Аплодисменты ему...

– А что ты хочешь... он же свет дарит... Ты хлеб кушаешь, мясо кушаешь, а свет-то кушать тоже надо?

– Надо...

– То-то же...

Где-то гремят аплодисменты, Змум нехотя хлопает в ладоши вместе со всеми...

Кри-ик-крик... кри-ик-крик...

– Куда торопишься-то так?

– Да... ухожу я от вас.

– Ты что? От отряда отбиваешься?

– Ну...

– А что так? Надоели мы тебе, что ли?

– Да нет... большие фонари пойду искать, большой свет.

– А маленького тебе что, мало?

– Да не мало... может, кто меня научит давать свет.

– Хи, кто научит... они свое ремесло в тайне держат, это же их хлеб.

– Ну, хлеб не хлеб, а может, найдется кто, кому тайну свою не жалко...

– Держи карман шире...

– Говорят, где-то там за полосой тьмы обучают свет давать...

– Это где?

– Это где темнота долго-долго, и фонаря ни одного нет...

– Ха, туда и не доберешься живой... без света-то...

– Да, говорят, как-то добираются...

– Ну. Дело-то твое...

Кри-ик-крик, кри-ик-крик...

– ...ты вообще, парень, живой или нет?

Змум с трудом разлепляет веки.

– Не... не знаю...

– А кто знает, я что ли?

– Я... не...

– Ну, если болтаешь, значит, живой... Ты откуда вообще?

– Да... ниоткуда.

– Что один-то? отряд твой где?

– Да я сам... без отряда.

– С ума сойти... первый раз такое вижу, чтобы без отряда ходили... Или тебя изгнали за убийство какое-нибудь?

– Да нет... сам ушел... Можно у огня у вашего посижу, умираю уже без света, недель пять...

– Что-о? пять недель? Ты как это так умудрился-то...

– Да как... я через темную полосу к вам шел.

– А что... за темной полосой своих фонарей нет?

– Ну, есть... Я это... ничего, что бесплатно сижусь? Ей-богу, нечего взамен дать...

– Да сиди... что делать...

– Спасибо...

– Тебя как зовут-то?

– Змум.

Змум не спрашивает, как зовут парня, который дарит свет. У того, кто дарит свет, нет имени, есть только свет.

– Ты что шел-то сюда?

– Да... я это...

– Ну, говори, не таи... а то прямо боязно как-то, может, ты человек десять зарезал, тебя из отряда выгнали...

– Да нет, я... это самое... вы научите меня делать свет.

– Чего-о?

– Это... я учиться пришел... Ну... научите меня свет делать... вот как вы.

– Еще что хочешь?

Змум краснеет, понимает, что сболтнул что-то не то.

– Да... больше ничего.

– Ну давай, спать ложись, с ног уже валишься... Завтра учить тебя буду...

– Да вы что...

– Что да я что? Сам просил тебя научить...

Змум не верит своим ушам. И почему-то чувствует, что незнакомец не возьмет ничего взамен.

Кри-ик-крик...

Кри-ик-крик....

– Вставай, что ли, что спишь-то?

– А что...

– Что, что... ты дрыхнуть сюда пришел или учиться?

– Да... учиться...

– Вот и славно... давай, вставай... завтракать будем.

– Да я... не хочу особенно...

– Что значит, не хочешь, с голодухи-то как свет давать будешь?

– Ну...

– Вот тебе и ну... я тоже есть не хочу, а надо...

Змум нехотя жует черствый хлебец с холодным мясом.

– Ну, давай... Ножичек у тебя какой-нибудь есть?

– Н-нет.

– Мой возьми. Давай. Режь.

– Что резать?

– Руку себе режь.

– Что?

– Руку себе режь.

– Зачем?

– А чем ты свет делать будешь, как не кровью?

– А что... свет кровью делать надо?

– Ну... а ты что хотел, работенка-то тяжелая. За день лит-ра полтора кровушки уходит, тут пока насветишься, только что не околеешь.

– Да вы что... слушайте... я не знал...

– Ну что, резать-то будешь? Смотри как надо, тут чуть-чуть на локте кольнешь...

– Да нет... пойду я... То есть куда пойду, светом подзаряжусь чуть-чуть...

Горит золотым облаком фонарь, сгущается вокруг непроглядная темнота вечной ночи.

Кри-ик-крик, кри-ик-крик...

– Что, далеко до фонаря?

– Далековато еще... Не видать. Но где-то здесь должен быть...

– А почему у одного фонаря жить нельзя?

Змум смотрит на тощего юнца, неумело погоняющего свою тележку. Сам когда-то был такой, сам когда-то ничего не знал, не умел. Плохонькая повозка у парня, того и гляди развалится, а что делать, молодым хороших повозок не да-

ют...

– Смешной ты... у одного фонаря... фонари-то выдыхаются, им отдыхать надо. Так и истощишь фонарь, что он погаснет.

– А так вечно гореть будет?

– Ага, жди. Фонарь-то от человека живет, а где ты видел, чтобы человек жил вечно?

Кри-ик-крик, кри-ик-крик...

Катится по темноте отряд, катится в повозке Змум, хорошая повозка у Змума, добротная, легко едет, быстро. А что, всю жизнь, считай, прожил, уже и на повозку себе заработал, и на зонтик над повозкой, и на мягкие подушки в повозке, и еще много на что. А что, живем, когда хорошая повозка есть, что бы не жить-то...

– Что-то фонаря не видать...

– Да, не видать, – Змум щурится, – тоже, поди, фонарщик умер, а нового нет... Как вон, на позапрошлой стоянке... Ну ты что там, спишь, что ли? Давай живей, к фонарю опоздаешь!

Кри-ик-крик, кри-ик-крик...

– Здорово фонарщиком быть.

Змум презрительно смотрит на юнца.

– Что здорово-то?

– А что... вот так поклоняются тебе все, в ладоши хлопают, подарки несут... и не надо тебе шариться по темноте, искать свет – вот он, свет, пылает...

– Ага, хорошо... – Змум фыркает, морщины на лице собираются в складки, – ты хоть знаешь, из чего они этот свет гонят?

– Это у них секрет мастерства...

– Ага, секрет... ладно, парень, никому не говорил, тебе скажу... из крови человеческой.

– Людей убивают?

– Да зачем убивают... свою кровь отдают, она и светится. Потому и нельзя подолгу у одного светильника сидеть, так его вчистую истощить можно...

– Жуть...

– Еще бы не жуть... я тоже по молодости такой был, все хотел светильником стать... Только кровушку-то свою растрачивать не каждый решится, верно? Страшное это дело...

– Страшное...

– Ты, парень, откуда будешь?

– Да... школу кончил, в ваш отряд пришел, может, в институт поступлю...

– А, святое дело... Давай, учись парень, если на менеджмент пойдешь, карьера тебе обеспечена... я там одну фирму знаю хорошую, если что, могу походатайствовать...

– Вот спасибо...

Кри-ик-крик... кри-ик-крик...

Змум снисходительно смотрит на тощего юнца в повозке-развалюхе. Сам когда-то такой был, ни кола ни двора...

– Леве-ей заворачивай!

– Леве-еей!

– Куда это мы?

– Да куда... видишь, здесь раньше фонарь был, а хозяин умер, фонарь погас – все, другой пошли искать...

Змум отвечает так, потихоньку задумывается – куда исчезают тела умерших, то ли проваливаются в бесконечную темноту, то ли растворяются в ней, сами становятся тьмой...

Лучше не думать...

– Да это уже пятый фонарь так проезжаем.

– А что делать... новых-то фонарщиков нет, дураков-то нет туда идти...

– Так вообще фонарщиков не останется...

Змум хочет прикрикнуть на парня, чтобы глупостей не болтал – задумывается.

Кри-ик-крик... кри-ик-крик...

– Вы куда?

– Куда... – Змум оборачивается на голос – к фонарю.

– Так нет же там фонаря, погас давно.

– Ну. Фонарь-то все равно есть... Хоть и погасший...

– А зачем вам погасший фонарь?

– Зачем... зажечь, зачем еще.

– Кровью?

Змум смотрит в темноту, представляет себе юнца, которого не видит.

– А то чем же...

– Вы же говорили... не ваше это.

– Мое не мое, а должен кто-то зажечь... так и вообще фонарей не останется... Ты-то куда за мной катишь?

– Да... у фонаря погреться... светом подкормиться, а то я вообще скоро сдохну.

– Тоже верно... ножичка у тебя нет?

– Валялся где-то... вон...

– Ага, спасибо...

– Вы что, собираетесь...

– Ага...

Змум осторожно колет себе руку, роняет в невидимый в темноте фонарь несколько капель крови. Масло в огонь... тут не масло, тут кровь в огонь подливают...

Тишина...

И темнота, не нарушаемая ничем. И вообще непонятно, есть что-то в этой темноте – или непроглядный морок, вакуум, в который случайно затесались двое путников.

– И что же?

– А что, что же... не знаю, – Змум хмурится, – я же это первый раз делаю, видно, не учел что-то...

Змум снова и снова роняет капли крови в мертвый фонарь – ничего не происходит.

– Наверное... этому учиться надо.

– А?

– Учиться этому... надо, – голос юнца звучит как будто издалека.

Змум чувствует, что краснеет.

– Учиться... да, надо учиться... Старые-то фонарщики померли все... а молодых нету, учиться не у кого...

Юнец молчит.

– Я же хотел у фонарщика учиться... передумал... сам виноват...

Юнец не отвечает. Может, уже ушел, правда, что тут стоять, когда света нет...

Можно еще поискать по темноте фонарщика какого-нибудь, верно? – Змум говорит непонятно с кем в темноте, может, с самой темнотой, – не может же быть так, чтобы во всем мире света не было, верно? Не может быть... где-то есть...

Темнота не отвечает.

– Или сам как-нибудь свет этот зажгу... не боги же горшки обжигают, верно? Ну... если у них свет получался, и у меня как-нибудь получится...

Темнота молчит...

– Как-то они это делали... правда ведь? – Змум смотрит в темноту, ищет что-то, – как-то... кровью фонарь зажигали... надо зажечь... надо... Надо же, чтобы был свет...

Тот, темный

Быстрее...

Некуда уже быстрее...

И все-таки – быстрее...

Камиль бежал, низко пригнув голову, и некогда было оглянуться, некогда было посмотреть назад, не гонятся ли они. А они гонятся, уж можно не сомневаться, они не такие, чтобы упустить свою добычу, поймают, скрутят, увезут в темное свое логово, пропахшее смертью, чтобы выпить всю кровь...

Хватятся, конечно, будут искать, план-перехват устроят... Это они могут, полиция тоже на их стороне, и вообще все, все... и только один Камиль против них, один против всех, как это трудно, когда один против всех...

Сбавил шаг – сердце разрывалось клочьями, медленно брел по лесной чаще, все боялся остановиться, все боялся, что лопнет сердце. Лес торжественно замер, позолоченный луной, внимательно смотрел на Камиля каждой своей веткой. Леса Камиль не боялся, что-то подсказывало, что лес не работает на них, лес – он сам по себе, на то он и лес.

Камиль передохнул, прислушался.

Отстали.

Надолго ли, кто знает... выиграть время, хоть день, хоть два, перекантоваться где-нибудь, и дальше, в Сибирь... зем-

ля большая, земля, она всех прокормит, на то и земля...

Откуда-то зарядил дождь, мелкий, мерзкий, осенний, луна запуталась в клочьях туч. И почему-то боязно было искать деревушку или какую-нибудь дачу, люди добрые, пустите переночевать... Вот так постучишься в дверь, а там они уже ждут...

Луна выхватила из темноты что-то черное, причудливое, жуткое, что когда-то было домом – так давно, что оно само не помнит, как это было, и было ли. Истлевший остов, изъеденный пожарами, дождями, десятками лет, если не веков. Кое-где сохранились клочья какой-то плоти, досок, обломок двери, скат крыши, в пустых глазницах окон мелькали стеклышки.

Сердце снова подпрыгнуло, бахнуло о ребра.

Затаиться... переждать... Почему-то казалось, что сюда они не сунутся, что уже дошел, добежал Камиль до такого медвежьего угла, что никакие они туда не проберутся.

И все-таки было боязно – как боязно было в детстве уходить куда-то далеко, от людей, от жилья, от привычного мира в лесную глушь – как в какую-то другую вселенную. Волков и медведей не боялся, чувствовал, что они давно ушли куда-то в сибирскую глушь, до которой три года скачи – не доскачешь, а вот другие...

Духи, демоны... еще какие-то – потусторонние, нездешние, темные, неуязвимые, пропадающие с первыми лучами солнца... Они были и есть, они никуда не ушли из леса, по-

прежнему караулят людские души... Вот в таких-то заброшенных домах и прячутся темные силы, войдешь – а оттуда черная лапа тянется, и утащит тебя куда-нибудь...

Камиль встряхнулся – что надумал-то, не маленький, чай, не три годика, когда боялся идти в комнату без света, боялся Темного. И в каждом углу мерещился Темный, черный треугольник, ползущий по стенам, по потолкам, длинный, вытянутый, с острым, хищным углом...

Не думать, не думать, еще не хватало, чепухи всякой бояться... ты еще бабайку вспомни и бабу Ягу... ох, изжарю тебя, добрый молодец, в печи... Дождь зарядил сильнее, вкрадчиво пополз за воротник, погнал Камиля в дом, вернее, в то, что когда-то было домом. Парень осторожно вошел, туча мелкой пыли метнулась в лицо, заскулили половицы. Жутко здесь... как в склепе... осветил фонариком, эх, сотового нет, сотовый они отобрали, они такие... Истлевшая лестница на второй этаж, по ней лучше не подниматься, а то свалится Камиль вместе с этим этажом... гора пыли, которая была креслом, гора трухи, которая была диваном... Нет, спать здесь негде, даже на полу... Состряпать бы костерок, зябко больно, только какой тут костерок, тут весь дом спалить можно...

Что-то мелькнуло в луче фонаря, мыши, что ли... нет, не похоже... еще, еще... что-то извивалось там, на стене, и почему-то не хотелось оборачиваться, не хотелось смотреть, как в детстве, когда лежишь в темноте в кровати, и ме-

решится тебе что-то там, в углу, а смотреть нельзя, посмотришь на него, он выскочит оттуда, тебя съест...

Ш-шу-х-х, кто-то скользнул по стене. Веник, что ли, найди, какой-нибудь, или тряпку, выгнать эту тварь в окошко, а то будет так всю ночь шуршать, спать мешать, еще, чего доброго, коснется лица своими усами, или хвостом... бр-р-р...

Что-то мелькало и мелькало по стене, и боязно было смотреть, но стоять к нему спиной было совсем уж невыносимо. Так и кажется, что вот-вот вопьется когтями в спину... Камиль посветил фонариком туда, где по стене металась черная треугольная тень...

...черная треугольная тень...

Еще не верил себе, еще искал того, кто отбрасывает эту тень, будь он хоть в миллион раз страшнее самой тени... Нет, никого не было, черный треугольник метался и метался по стенам...

А потом не было ничего – ни верха, ни низа, ни ночи, ни дня, ни самого Камилля, ни старого дома, ни леса – Камиль мчался в темной чаше, не разбирая дороги, в никуда, в никуда...

Быстрее...

Быстрее...

Некуда быстрее...

Сбавил шаг, перевел дух, сердце снова разорвалось клоч-

ками.

Померещилось... да нет, какое там, на хрен, померещилось, видел же, своими глазами видел, вот он, мечется по стенам, темный, непонятный, безымянный... Камиль вспомнил, что в детстве даже не дал этому темному имя, да и какое у темного может быть имя... это у березы под окном может быть имя, Камиль звал ее Арлия, это у большого камня у крыльца может быть имя, Камиль звал его Таум, у Жучки во дворе имя... а темный, он на то и темный, не наш, чужой, у него и имени-то нет...

От этих детских воспоминаний стало спокойнее, отлегло от сердца. Потянуло к людям, к человеческому жилью, к нашему, привычному миру. Сам не понял, как выбрался на шоссе, утыканном какими-то указателями, которые ничего не говорили. Янгиюл... Усть-Ылым... неважно, лишь бы подальше от них, здесь они не найдут...

Протянул руку, может, найдется добрая душа, подбросит до богом забытой деревушки, кое-какая мелочишка с собой есть, на пару беляшей хватит, а там и посмотреть можно, может, кому крышу укрыть или крыльцо починить, у Камилля руки что надо, каким надо концом вставлены... да я денег-то не возьму, мне бы перекусить... а у вас лишней комнаты не найдется?

Машина замерла в двух шагах, с мерзким повизгиванием опустилось стекло.

– Мужики, до деревни не подбросите? – Камиль шагнул

к машине, мир перевернулся перед глазами.

Так представлялось только в самых страшных кошмарах. Убегает от них, останавливает машину, а оттуда смотрят они, люди в синем, которые запирают за решетки и тянут кровь...

Бежать... ну да, бежать, в лес, в лес, раствориться в этом лесу, лес укроет, лес спасет, лес на них не работает... Их в машине двое, в одиночку за Камилем в лес никто не победит, вдвоем тоже не побегут, машину, что ли, бросят...

Повернулся к лесу – что-то будто оборвалось внутри.

Он уже был здесь. Подползал – то медленно, неуверенно, то легко, стремительно, темный, безликий, безымянный, как будто сам не понимающий, кто он...

Мир замер... Он почти коснулся ботинок Камиля, и хочется бежать, и некуда бежать – а потом бросился на машину.

Все случилось слишком быстро, Камиль даже не понял, сделал этот темный что-нибудь с теми, кто сидел в машине – или нет, машина сорвалась с места, бросилась по шоссе, обгоняя саму себя...

Камиль ждал.

Ничего не происходило. Тот, темный, как будто забыл про Камиля, скользил по шоссе, извивался по травинкам, рассыпался, когда его темная тень падала на частокол сосен. И чем дальше, тем больше казалось, что на Камиля он нападать не собирается.

– Ты... ты прогнал их? – спросил Камиль.

Прогнал.

Как что-то взорвалось в голове. И не поймешь, сказал он, темный, это слово вслух, или послал какой-то мысленный сигнал, или... кто его поймет, как он, темный, говорит с людьми... Кто их вообще поймет, этих темных, они сами себя не понимают, живут с нами бок о бок все века, и мы упорно доказываем сами себе, что их нет, их не бывает, это все суеверия какие-то, детские страхи... и в толчее мегаполиса как будто и правда – их нет, а как занесет тебя черт в лесную глушь, в чащу, вот тогда и поймешь – вот они, есть...

Это было маловероятно. И все-таки Камиль спросил:

– Ты... ты меня защищал? Да?

Конечно.

Конечно... стало не по себе. чего ради ему, темному, безликому, защищать Камиля, кто ему Камиль, что ему Камиль... Ну да, говорят, они людскими страхами питаются, им надо каждую ночь пугать кого-нибудь, тогда они живут...

Или кровь выпьет из Камиля... там и крови-то немного осталось, они все высосали... но все-таки...

Камиль шагнул на шоссе – надо было куда-то идти, что-то делать, искать пристанище, которого не было.

Не уходи.

– А?

Не уходи.

Он не требовал – просил. Осторожно, вкрадчиво, как будто не верил, что Камиль послушается.

Останься... со мной.

Так и хотелось спросить – зачем, и не спрашивалось. Ни для чего хорошего нечистая сила использовать человека не может. Но невозможно было просто так взять и уйти, все-таки он, темный, спас Камиля, что Камиль попал из огня, да в полымя, это другой вопрос...

– Ты... там живешь? В доме?

В доме.

– Дом-то у тебя старый совсем... рухнет дом, где жить-то будешь... – спросил Камиль, сам не знал, зачем.

Не будет дома, не будет меня.

Он говорил это удивительно спокойно, как будто речь шла и не о его смерти. И снова надо было промолчать, и почему-то не молчалось, слова откуда ни возьмись сыпались сами собой...

– А то это... я тебе дом-то подлатать могу... ну стены поправлю, там новые доски надо вставить, старые-то прогнили уже... и крышу перекрыть... и стекла вставить... Я, если что, с руками...

Спасибо.

В этом – Спасибо – было что-то искреннее, по-человечески теплое.

– А ты давно живешь? – спросил Камиль, расставляя нехитрую снесь на кое-как отмытом столе.

Века... много веков.

Кажется, он, темный, не умеет считать – но это не мешает

ему чувствовать время. Он и Камиллю передал это чувство, неясное, туманное, расплывчатое – глубину веков, уходящих так далеко, что уже не разобрать дат, имен, событий...

И боязно было спрашивать – и все-таки нужно было спросить:

– А я... а я тебе зачем?

Ты же веришь в меня...

Ответ прозвучал как-то неясно, похоже, демон и правда передавал какие-то сигналы в мозг. И не поймешь, то ли «ты веришь в меня», то ли «ты боишься меня». Что-то такое. И что-то очень важное для него, для темного духа...

– А ты что... питаешься страхом?

Я живу... пока ты боишься... пока кто-то... меня боится.
(...пока кто-то в меня верит)

– И много вас... таких?

Спросил, тут же мысленно ударил себя по губам, похоже, спрашивает что-то не то, запретное, чего человеку знать не положено.

Мало... теперь мало...

Камиль снова не услышал его ответ – почувствовал глубину веков, бесконечное время, где когда-то на заре эпох мир был темен от темных сил, снующих в каждой чаше. Тогда люди верили, действительно верили в них, долгими вечерами у гаснущего костра пугливо всматривались в ночную чашу, искали, не мелькнет ли острый рог или желтый кошачий глаз демона...

Шли века, люди забывали свои страхи, человечество понемногу выросло из сказок и легенд. Духам перестали приносить жертвы, духов перестали бояться. Собирались на какие-то праздники в честь каких-то темных сил – просто так, в силу привычки, уже сами не помнили, зачем...

Демоны вымирали. Демоны уходили в леса, в чащобы, скрывались ото всех, казалось – от самих себя. Там, в лесу, случайные люди еще верили в нечистых – в силу каких-то древних суеверий, зова предков, пробуждавшегося там, наедине с собой.

И темные силы искали людей, которые еще умели бояться...

Камиль растянулся на старых газетах в углу – белых посередине и желтых от времени по краям. В темноте комнаты металось по стенам что-то еще более темное, чем сама ночь, чуть слышно шуршало невидимыми крыльями. И было боязно взглянуть на него, и хотелось как в детстве прикрыть голову – и в то же время хотелось смотреть и смотреть, от этой нечисти веяло покоем, безмятежностью, какая бывает только в детстве, когда весь мир кажется таким простым, а сам себе кажешься таким хорошим...

Вставай.

– А?

Вставай... пошли... со мной.

Камиль ничего не понимал, грешным делом подумал

на них – но их не было, люди не ходят по медвежьим углам и захолустьям. Над Камилем скользил он – темный, безымянный, безликий, сам не понимающий, кто он и что он.

Пойдем... со мной.

Сердце сжалось, покрылось инеем: ага, вот оно, началось...

– Слушай, давай утречком, а? Спать охота... думаешь, не умаялся я стены твои латать?

Нет... надо ночью.

И не откажешь ему, и не прогонишь его, говорит – пошли, значит – пошли. Вот ведь черт, Камиль как чувствовал, что этим все и кончится, ну не может такого быть, чтобы демон с человека ничего не потребовал. Нет, мало ему фанатичной веры в него самого, нет, мало ему человеческих страхов, нет, мало ему, что Камиль день-деньской как проклятый латает старенький домишко, думает, где еще заработать тышечки две на кровлю – нет, еще что-то надо темному демону...

Что?

– Далеко пойдём-то? А то в куртешке холодно уже...

Нет... не на улицу.

– В подпол? И-и, не проси, там болото... только что лягушки не квакают...

Нет... пойдём...

Странное дело, чего ради он зовет Камиля не в комнату, не на второй этаж – куда-то в стену. Не, шалишь, темный, человек сквозь стены ходить не умеет...

Камиль шагнул в пустоту вслед за темным – тут же понял, что ошибся, умеет человек через стены ходить, еще как умеет. Какое мерзкое чувство, так и кажется, что сейчас вывернет наизнанку... как болтанка в самолете, только хуже...

Сердце подпрыгнуло. Он видел эти холмы – не раз и не два, они приходили во сне – синие холмы под черным небом, что-то ледяное, нездешнее, потустороннее. Что-то манящее – и в то же время наводящее ужас, что-то, куда совсем не положено ходить человеку...

– Это твой мир? – шепотом спросил Камиль.

Мой.

Стало не по себе. Почему-то не верилось, что эта тварь, эта чужая сила так просто отпустит Камиля из своей вселенной. Может, вот так и попадают сюда – навсегда, безвозвратно, доверчиво идут за мрачным проводником...

Камиль шел никуда, наугад, странно, что темный дух ничего не объяснял, сновал вокруг, как собака на прогулке. То тут, то там проступали из тумана изогнутые мерцающие врата, они казались порталами в другие миры, почему-то не хотелось испытывать судьбу, заходить по ту сторону...

...да это и так уже по ту сторону... по ту сторону пространства, времени, по ту сторону сознания, по ту сторону страшных снов. Камиль пытался представить себе, как далеко расстилается этот мир – и не мог, он казался не просто бесконечным – бесконечным в степени бесконечность...

Шел в никуда, спотыкаясь об обломки порталов – кажет-

ся, эти врата тоже имеют свой век, рождаются, умирают...
Красивые обломки, сверкают золотыми бликами...

...золотыми бликами...

– Это что, золото у тебя, что ли? – спохватился Камиль.

Золото.

– А... а можно я чуть-чуть себе возьму?

Сколько угодно.

В его тоне не было щедрости радушного хозяина – кажется, ему было все равно, есть у него золото или нет. Камиль наклонился. Тихонько проклял себя, что ничего не взял, ни сумки, ни ведра, ни мешка, а кто же знал, что здесь будет такое... И не хотелось возвращаться, и все больше казалось, если вернешься, второго шанса не будет, порталы открываются перед человеком только единожды...

Скинул рубашку, начал сворачивать подобие узелка. Донести бы, не рассыпать, не обронить, так и кажется, что если уронишь – все обратится в прах. Камиль огляделся, коленям стало холодно-холодно – он искал и искал единственно нужный портал, не находил...

Домой...

Знать бы еще, как выбраться в это – домой...

Сам не понял, как шагнул через стену. Кажется, в этом мире, чтобы оказаться где-то, достаточно просто захотеть... бережно опустил сверток на пол, развернул, ожидая увидеть черепки или рыбу чешую. Нет, золото, все без обмана...

Ты вернулся? Уже?

Темная тень метнулась по стене.

– Ну да...

Кажется, Камиль сделал что-то не то, только сейчас понял – что-то не то. Не зря же вел его темный дух туда, по ту сторону сознания, может, хотел что-то показать, тот бесконечный мир... А Камиль сгреб в охапку золото и бросился назад, как вор...

– Ты где?

Тень не показывалась.

Надо бы ему завтра прикупить молока... помириться... а то все в кофе себе выливаю...

Здесь остановите.

– В Янгиюле? – не понял водитель.

– Нет... здесь...

Шофер изумленно посмотрел на тощего парня, одетого с иголки. Такие парни не ездят в убитых жизнью газельках, такие парни не просят остановить машину в лесу, такие парни если и приезжают в лес, то только в лендровере с компанией деловых партнеров и красивых девчонок, жарят шашлыки и пьют вино...

– Ага, вот тут... спасибо... – странный пассажир выскочил из газельки, побрел по хвойному бездорожью в никуда. Прячется он от кого-то, что ли... Шофер на всякий случай оглянулся, не едут ли позади братки на бронированном мерсе, не привяжут ли сейчас шофера к дереву, говори, гад, кого

подвозил, куда он пошел, а?

Никого и ничего не было, водитель пустил газельку дальше по трассе, доехать быстрее, гори оно все, пассажиров хрен да маленько, только бензин трачу...

Камиль посмотрел вслед газельке, заспешил в лес. К штанам тут же прицепились какие-то зеленые шарики, лес хватался за человека всеми коготками, терся о ноги, просился на руки, как ласковый кот. Чего ради вообще поперся в костюме, никогда его не надеваю, что на объекты езжу, с молотками-болгарками, что дачу кому построить, что квартиру отделать... А вот перед ним, перед темным, почему-то хотелось появиться при полном параде...

Перед темным... хотелось что-то принести этому темному, все-таки столько для Камиля сделал... Руки до сих пор помнят холодок золота, недоверчивый прищур ювелира, а не фальшивое ли, потом многое было, картинки, как разрозненные слайды какого-то диафильма, а вы комнату сдаете, да? А вы не смотрите, что я как с помойки, я за три месяца вперед заплачу... А эти джинсы у вас в какую цену? Беру, беру, все беру, хоть на человека буду похож... девушка, объявление у вас дать можно? Ремонт квартир, строительство... Да все, все могу, руки у меня каким надо концом вставлены...

Долгое время было не до темного – первый раз вспомнил про него, когда купил комнату, прикидывая, когда можно будет раскошелиться на квартиру...

Хотелось что-то привезти этому темному. Будь он человеком, принес бы Камиль хороший коньяк, что, друг сердечный, угощая... или еще что-нибудь, дорогое, хорошее, нужное для человека, может, деньгами бы помог...

А темному ничего не надо, и хочешь отблагодарить, и не знаешь, как. Конечно, Камиль ездит к темному, конечно, верит в него, раз в месяц ночует в богом забытом домике, как в детстве, шарахается от темной треугольной тени, снующей по стенам и потолку.

И все-таки...

Хочется для него что-то сделать...

Особенное что-то...

Хотя бы потому, что избавил от них – про них Камиль уже и не вспоминал, они ушли куда-то в бесконечно далекое прошлое, как будто – в другое измерение, в другую жизнь.

Нет, надо хоть что-то узнать про этого темного – где живет, как живет, что любит, что ест, а что про него знать, он сам про себя ничего не знает... может, и не существует сам по себе, потому что он – наш страх.

Деревья расступились, пропуская Камиля к заброшенному дому. Камиль шагнул на опушку, замер, как громом пораженный.

Только этого не хватало...

Это еще что...

Он еще не понимал, еще думал, что бредит – ну не может быть такого, чтобы здесь, вокруг заброшенного дома

толпились люди, много людей, ревели машины, бульдозеры какие-то... это все там, в городах, на фабриках, но не тут, не тут...

Камиль медленно, как по воздуху, пошел навстречу реву-щим машинам. Нужно было что-то сказать, что-то сделать, что-то...

– Заблудились? – окликнул его один из парней, снующих вокруг бульдозера.

– Да нет... Это вы что тут делаете?

– Как что, сносить будем... нет, знаешь, на пикничок собрались на бульдозерах.

– Ч-что... сносить?

– Тебя. Хибару эту, что же еще...

– Как сносить... нельзя ее сносить.

– Чего ради нельзя?

Камиль почувствовал, что проигрывает. Но тут же нашелся.

– Это... моя хибара.

– Документики есть?

– Э-э... привезу.

– Привезет он... Ой, привираешь, парень, земля-то эта Уфимского.

– Кого?

– Игоря Ивановича Уфимского... вот и бумага есть, разрешение на снос.

В сердце как будто набили иголки. Камиль уже не верил,

что победит – эти парни были настолько земными, настолько дневными, заземленными, в их мире не было места духам и призракам, темным силам и тайнам заброшенных домов.

– Слушайте, парни, дело-то серьезное... это же исторический памятник, не кот начихал...

– Ха, похоже... на памятник...

– А ты думал, все памятники сверкают, как храмы на Красной площади? И такие есть, и всякие... жизнью битые. Так что вы это бросьте, вы мне телефончик этого вашего Уфимского дайте, поговорю с ним...

– Еще чего... Ему делать больше нечего, с тобой говорить?

– Чего там, Антош?

– Да псих какой-то привязался...

– А одет вроде ничего...

– Да что одет, ты смотри, как глаза сверкают... псих и есть... Айда, по машинам... мы эту хреновину не снесем до вечера, большой босс нас закопает этими бульдозерами...

Камиль сам не понимал, что делает, чего ради бросился на крыльцо старого дома, который в свете дня растерял всю свою мрачность, уже не казался большим и зловещим – хрупким и беззащитным на ветру...

Утробно заурчали машины.

– Да прекратите вы! Да вы хоть сами понимаете, что делаете? Вы хоть понимаете, что они вымирают, подчистую вымирают, этот, может, последний остался?

– Кто... последний?

Да люди-то в них верить перестали! Золотому тельцу поклоняются... во что там верить, мы уже в самих себя не верим, самих себя потеряли в делах... Да стойте вы, кому говорю! Мне не его жалко, мне вас жалко, он же вам сейчас устроит...

Камиль ждал. Тот, темный, в доме, не мог не слышать его, не мог не видеть столпившихся вокруг бульдозеров. Сейчас он им покажет, сейчас он вырвется из темноты, бросится на машины, на людей, как тогда бросился на них, в синих одеждах... сейчас он им покажет, почему фунт лиха... А что, знай наших, что такое бульдозеры против древней жути, которая жила и процветала, когда этих работяг еще на свете не было, которая помнит Чингисхана и царя Кира, которой на заре веков приносили кровавые жертвы...

Тупая морда машины ткнулась в жалобно заскрипевшие стены.

– Да ты что, не слышишь что ли? – Камиль отчаянно постучал в стену, – выходи давай! Выходи! Ну, скорее! Они же дом твой снесут, тебя убьют! Ты прогонять их будешь, или нет?

Краем глаза Камиль заметил что-то очень знакомое и что-то очень зловещее. Но это был не темный, нет, темный упорно не показывался из своего убежища. К дому подкатила знакомая желтая машина, из которой показались они, люди в синем, которые запирают в темницу и пьют кровь...

Камиль не боялся – ни тех, ни других, он уже знал, что вот сейчас распахнутся двери старого дома, и вырвется он, темный, зловещий, всемогущий, протянет страшные лапы, и делает с ними со всеми что-нибудь... утянет в какие-нибудь другие миры...

Но почему он медлит... почему... дом трещит и шатается, а он все не идет...

– Ну где же ты? Ты слышишь меня? Эй!

– Чего это он... сумасшедший, что ли...

– Сумасшедший и есть... я про этого парня слышал...

– Что за парень?

– Да... год назад из психушки сбежал, ловили, не поймали... Глюки его какие-то преследовали, видения... Потом в этом доме старом жил, тут клад нашел, золотишко какое-то... Ну и все, дело свое открыл, квартиры ремонтирует, дачи строит, потом комнату себе купил, квартиру... дела у него в гору пошли...

– Сумасшедший-то? А врачи куда смотрели? А милиция?

– А что врачи-милиция, он же нормальный, вроде, стал... вот уже как год без сучка без задоринки, человек и человек... а тут, видно, весеннее обострение началось, он сорвался... все ему там в доме старом дрянь какая-то мерещилась...

– А ловко его скрутили...

– Да, санитары свое дело знают... Ну что рот разинул, ворона залетит... Поехали, что ли, до вечера дом этот не сво-

ротим, большой босс нам ноги отпилит...

Камиль ничего не понимал – почему он, сильный, всемогущий, древний, не выходит из своего убежища, чего он боится, вот ведь уже трещат и рушатся стены, так бережно отстроенные Камилем, и они – в синих одеждах скручивают руки за спиной, пойдём, пойдём, парень, тихо, тихо, все хорошо...

Камиль в последний раз обернулся на руины старого дома, все еще не верил, что оттуда не вырвется темное создание, не расправит крылья в лучах заката, не утащит человечков в темные миры... Я же в тебя верю, ты не можешь исчезнуть...

...просто так...

Подъезд

– Образование?

– Гхм... неоконченное высшее.

– А что так? – старик с потрепанной бородой испытующе посмотрел на меня.

– Ну... так, надоело все.

Не мог же я ему сказать, что меня отчислили за неуспеваемость...

– Зря вы так, молодой человек. Всем бы так все надоело, так и жизни бы на земле не было... И земли бы не было. И истории.

Я кивнул. Я и так знал, что зря, только сейчас не хотелось рвать когти, бороться за свое место под солнцем, и все такое. Не было сил... весна вообще отнимает все силы, и странно, что зиму как-то переживаешь, и март, и все-все, а конец апреля как будто выпивает всю кровь.

– Так что же теперь... почтальоном решили податься?

– Ну.

– Ну, смотрите. Работа-то собачья...

– Да где она не собачья-то...

– Да сидели бы себе в теплом офисе, – не согласился старик.

– Ну... всему свое время, сейчас и почтальоном неплохо.

– Да... плохо, что у вас образование-то то еще, я только

с высшим беру...

– В почтальоны? – ахнул я.

– Ну да. Это же ответственность. Номера подъездив, этажей, квартир... Что куда, в какую... Знать, кто где живет...

– Думаю... что я справлюсь.

Старик засмеялся, еще раз посмотрел пачку документов, чему-то кивнул.

– Ладно... на испытательный срок. Вот вам первое задание... Так, на пробу. Вон, соседний дом видите?

– Это который? Семнадцатый?

– Это который без номера. Там один подъезд. Вот... – он протянул мне увесистую сумку, – разнесете. По адресам. Там посмотрим, на что вы годитесь.

Я кивнул. Сумка оказалась неподъемной, я еле-еле взвалил ее на плечо, кивнул. А кажется, сумочка-то крохотная, у кондуктора и то больше.

– Стой... Вот, парень, возьми.

Я отрешенно посмотрел на револьвер.

– Бери, бери. Мало ли какая шваль в подъезде околачивается.

– Заряжен?

– А ты как думал. Все при всем. Ты вот что... в людей-то прямо не стреляй, так, в стену... припугнуть их, если что. Ну все, иди давай. Надоело ему... меня вот никто не спрашивает, надоело мне или нет...

Двадцать пять...

Нет, двадцать пять уже было. Только что набирал.

Двадцать шесть.

Вызов.

Курр...

Курррр...

Курррррр...

Это уже десятый номер, если этот чертов домофон не откликнется, я не знаю, что со мной будет.

– Кто?

– Почта, откройте.

Пик-пик-пик.

Я вошел, в лицо мне ударил трупный запах. Этого я не ожидал. Конечно, в подъезде пахнет всяким, но чтобы трупами... Хотелось податься назад, я посмотрел на сумку, пересилил себя, шагнул в темноту. Ступени были кривые и неровные, стены казались вырублены каменным топором, я даже не сразу понял, куда попал – в подъезд или в пещеру. Я прошел мимо разрисованных стен, присмотрелся, хотя можно было и не присматриваться, и так понятно, увижу что-нибудь неприличное, все лохи, и свастика на самом видном месте... Нет, тут что-то получше, красиво даже... звери какие-то, охотники с палочками – ручками-ножками... Даже какая-то композиция...

Он выскочил, казалось, из ниоткуда, на четырех ногах, и в зубах у него был зажат кусок мяса – я даже не сразу по-

нял, что вижу передо собой, какое-то существо, очень смутно напоминающее человека. Он смотрел на меня – желтыми дикими глазами, чуть покачивался на месте, переминался – не то с ноги на ногу, не то с лапки на лапку. А потом заскулил и двинулся ко мне.

– Пшел... пшел вон, – приказал я.

Он не остановился, продолжал идти на меня, даже бросил кусок мяса. Я вытащил револьвер – что-то быстро я его пускаю в дело, а что делать, если в подъезде такое. Не то человек, не то зверь подался назад, сел на корточки и показал мне три пальца, как будто собирался креститься. Я сначала не понял, тут же посмотрел на проход вреди камней, на занавеску, кое-как сплетенную из соломы, на три палочки на стене – цифру три. Значит, квартира третья. Третья... Я порылся в сумке, чуть не сломал пальцы о каменную дощечку. Так вот почему сумочка-то неподъёмная... Три... да, вот, третья. Я протянул дикарю дощечку, успел мельком заметить на ней что-то – кажется, чертеж арбалета какого-то. Все ясно, дикарь хочет знать, как бить из арбалета диких оленей и тигров.

Я пошел дальше. Ящиков не было, приходилось раскладывать дощечки на подоконнике, кое-кто тут же их и забирал. Пятая, седьмая, десятая квартира... то есть, не квартира, пещера... Я поднимался по лестницам выше, раскладывал дощечки, спрашивал себя, что я вижу. Как могло сохраниться это племя, дикие люди – в центре большого города. Нет, я слышал, конечно, про индейские резервации, но то

где-то там, за океаном, и то для индейцев, а чтобы вот так, для кроманьонцев каких-то... Интересно, как долго они живут здесь. Интересно, знают они вообще, что творится там, за стенами дома, или нет. Наверное, и не знают, прожили здесь миллионы лет, потом кто-нибудь выйдет наружу, увидит проехавшую машину, будет рассказывать, как встретил злого духа.

Этажи и дощечки все не кончались. К дощечкам прибавились бусы, бронзовые наконечники для копий, резак, кожаные сандалии, еще что-то такое, давно забытое, отжившее. Но для них, живущих в подъезде, это было, несомненно, прогресс. Так, понятно, дикарей потихоньку приучают к цивилизации...

Я посмотрел в сумку – там оставалась глиняная чашка с чем-то серебристо-голубым, как только не рассыпалась. Квартира... черт, палочки, палочки, палочки, нет чтобы цифру нормально написать... Я остановился, растерянный, посмотрел, как смуглая девушка разрисовывает стену в подъезде. Все то же – звери, птицы, охотники, хижины на берегу реки... она обернулась, посмотрела на меня, взгляд был почти человеческий. Шагнула ко мне, долго разглядывала чашку в моих руках, потом показала пальцами десять и еще раз десять.

– Двадцатая квартира? Вы? – догадался я, протянул посылку. Не ошибиться бы, а то, кажется, ловкие здесь ребята, за ними глаз да глаз... девушка поклонилась мне, снова вер-

нулась к стене, начала растирать стену голубым порошком, картина стала рельефной, сияющей, живой... Я улыбнулся. Хотелось сказать ей что-нибудь теплое, хотя бы узнать, как ее зовут, а то если что я еще в вашем подъезде буду, что надо, обращайтесь...

Я не успел додумать – она упала, и я даже не сразу заметил стрелу в горле девушки. Метко сбили... я обернулся, понял, что били из арбалета, да, вот так-то они охотятся на оленьей... наклонился, сжал ее холодеющую руку, это было мерзко, снова вспомнился трупный запах там, на первом этаже. Посмотрел в сумку – ладно, жалко-жалко, а всех не пережалеешь, мне еще письма разносить.

Слава богу, на каком-то этаже дощечки кончились, пошли свитки, бересты, папирусы, еще что-то такое древнее, но легкое, воздушное, я все боялся, что оно раскрошится в моих руках. Появились почтовые ящики – вернее, то, что с очень большой натяжкой можно было назвать почтовыми ящиками. Колонны, анфилады, фонтаны, мраморные статуи смотрели на меня со всех сторон, изредка мелькали люди в бесформенных балахонах, кое-кто кланялся мне. Кажется, почтальон – это что-то священное и, будем надеяться, неприкосновенное. Хотя, как знать, не зря же мне дали револьвер...

Ступеньки тянулись и тянулись вверх, я спрашивал себя, сколько еще осталось этажей. А ведь этот дом... мать твою, он же был пятиэтажный, это я хорошо помню, когда заходил, в нем было пять этажей. Пятое измерение получается... Или

что похуже. Становилось страшновато, хотелось вернуться – а возвращаться-то было нельзя. Вместо номеров квартир пошли даты, эпохи, какие-то эоны и грегорианские календари. Да, работенка не из легких, вот почему старик берет только с высшим образованием, а еще лучше – с ученой степенью...

Я поднялся на очередной этаж, передо мной стояла женщина в чем-то старинном, русском, народном, длинный сарафан, длинный платок, еще что-то вычурное, что говорит само за себя – женщина не из простых. Она поклонилась мне – в пояс, я растерянно поклонился в ответ, кажется, зря – почтальон был здесь чем-то вроде жреца, шамана, живого бога...

Она стояла, ждала чего-то.

– Номер? – спросил я.

– Пятьдесят, добрый человек, – ответила она, и опять же, с поклоном.

Интересно, кто она... княгиня какая-нибудь, или боярыня. Я порылся в сумке, едва не закричал. Это было уже похоже на шляпу фокусника – из сумки выпорхнул живой голубь. Еще один и еще. Я протянул голубей женщине, белые птицы перепархивали ей на руки, она смеялась чему-то. Это было здорово, как во сне. Как в сказке какой-то. Наверное, она влюблена. Наверное, она будет посылать с этими птицами какие-нибудь бересты своему любимому. Хочется пожелать им счастья...

А потом женщина с птицами пошла дальше по подъезду,

и ее окружали воины, интересно, кто они, стража или свита. Все они смотрели куда-то на деревянный город в отдалении. А потом что-то случилось, я увидел, как на хвосте белого голубя вспыхнуло рыжее пламя. Еще и еще у одного... люди привязывали к ним пучки горячей соломы, пускали в небо. Меня передернуло. Нет, я, конечно, видал, как мальчишки истязают зверей и птиц, но то мальчишки, а то люди, взрослые люди, княгиня или боярыня какая-то...

Голуби вспорхнули, метнулись к городу, я уже знал, что будет дальше. Хотелось плюнуть на пол и пойти домой. Хороший почтальон, ничего не скажешь, прямо какой-то вестник смерти получился... Я посмотрел в сумку – в ней было еще до черта писем – и поплелся наверх.

Дальше были письма, письма и письма – их было не просто много, слишком много. Где-то через двести этажей я понял, что вся эта куча депеш, телеграмм и конвертов просто не могла уместиться в одной сумке. Я смотрел в сумку, искал в ней двойное дно или какое-нибудь пятое – десятое измерение, ничего не находил. Подорванная подкладка, письма – их всегда было в сумке штук десять, не больше, а на каждом этаже я снова вынимал штук сто.

Потом пошли номера этажей, первый номер появился, когда я уже не чувствовал под собой ног. Второй, третий... и как странно написано, номер этажа и какое-то эр-ха, интересно, что это... Спасибо, что не КВН, то бишь, кабель вы-

сокого напряжения. Или... какие там еще знаки бывают... высокое напряжение... или...

Этаж буквально взорвался – сразу во всех направлениях, и даже не верилось, что взорвалась одна бомба, казалось, что грохнуло одновременно все. Подъезд уже заволакивал удушливый желтоватый дым, люди фыркали, задыхались, кажется, дым разъедал их заживо. Черт, эта дрянь, она по всему подъезду расползется... Мы так в детстве резину в подъезде жгли, нам старики потом уши драли, только то всего-то на всего резина, а тут... Интересно, что это за желтая дрянь... Я еле-еле успел броситься на этаж выше, грохнулся на лестнице, колени мои, колени, ничего, ничего, ползи, беги, быстрее, быстрее... Я даже не понял толком, что принес этим людям, была коробочка с крышечкой, они еще так радовались, когда я принес – они, я говорю про солдат и офицеров какой-то войны, кажется, не то первой, не то второй мировой. Я думал, что принес им посылки из тыла. Или продукты. Или письма от родных. Или медикаменты какие, короче, что угодно, только не это, не эту желтую смерть... Только добравшись до тыщи девятьсот какого-то этажа я перевел дух. Черт, придется возвращаться. Еще сколько писем не рассовал... Черт... Что это за штука-то была... иприт, кажется, называется. Ну да, на первой мировой этой дрянью людей травили. Алло, шеф, вы вот мне пистолет дали, а мне бы сюда еще противогаз, пару бомбочек каких-нибудь, скафандр,

и лучше всего ехать дальше на танке.

Черта с два поедет танк по ступенькам...

Дальше были ящики, ящики и ящики, какие-то письма, телеграммы, декреты, приказы, чертежи машин, самолетов, схема конвейерного производства – какой-то человек буквально вырвал ее у меня из рук, кажется, это был сам Генри Форд. Кто его знает... А ведь чертежи большей частью были далеко не мирные, не добрые, я четко видел на них какие-то боевые самолеты, ракеты, еще какую-то дрянь. В воздухе запахло войной. Странное это чувство, когда, кажется, ничего не меняется, а чувствуешь – градус повышается с каждой минутой, вот-вот что-то вспыхнет, рванет... Я растаскивал по ящикам уже совсем не безобидные вещи, помню какую-то секцию какого-то этажа, там было красиво, сплошь пальмы, колибри, загорелые женщины, где-то шумело море. Навстречу мне вышел смуглый человек с черной бородой, он широко улыбался и ждал чего-то. Я посмотрел в сумку... – шестьдесят два. Да, есть для вас посылочка... Я вытащил что-то из сумки и понял, что держу ракету с ядерной боеголовкой, которая непонятно как держится у меня в руках.

Человек с бородой кивнул, взял у меня из рук связки ракет, крикнул что-то своим солдатам, темным, смуглым. Потом улыбнулся, протянул мне сигару, добавил по-русски несколько слов благодарности.

– Всегда пожалуйста, – ответил я.

Потом были телеграммы, письма, еще какие-то схемы,

чертежи, оружие, оружие, оружие. И все на одном этаже. Я уже понял, что своими руками готовлю войну, какую-то страшную войну, какой еще не знало человечество. Войну, за которой все кончится, после которой в подъезде будут только обугленные руины, если вообще останется какой-то подъезд. Я сел на подоконник, посмотрел в сумку. Оставался еще один, последний чертеж, в нем было что-то уж особенно зловещее. Номер...

Я поднял голову, посмотрел на человека передо мной. Он явно ждал своей посылки, нетерпеливо кивнул. чертеж... Да, я отдам ему этот проклятый чертеж непонятно чего, а потом мир гроыхнет так, как не гроыхал еще никогда, а потом можно будет возвращаться назад, если я вообще вернусь – потому что впереди уже ничего не будет.

Он стоял и ждал. Я понял, что сейчас придется достать эту штуку. И не помотаешь головой, и не покажешь, что нет, у меня ничего в сумке нет. потому что – вот он, проклятый чертеж... А ладно, мне не все ли равно, не мои это проблемы, в конце концов... Мое дело – письма разнести, а там хоть... хоть потоп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.